

Имя Владимира Сергеевича Печерина, к сожалению, и до настоящего времени известно лишь узкому кругу специалистов, занимающихся историей русской общественной мысли XIX столетия.

Предки его, по прозванию Печерские, были выходцами из Польши, но кто и когда выехал — достоверно неизвестно. Печериным стал писаться только прадед нашего героя — Федор Иванович (ум. 1787), которого цесаревна Елизавета Петровна в 1737 году пожаловала из лакеев в мундшенки и за которого отдала свою камер-юнгфер Авдотью Семеновну. У них 16 июля 1744 года родился сын Пантелеймон, окончивший Пажеский корпус и служивший первоначально (с 1764) в Ингерманландском полку (в 1770 вышел в отставку капитаном), а с 1775 — в московской полиции, в IX части. В 1764 году он женился на Вере Владимировне Дружининой. Супруги имели нескольких детей, в том числе двух сыновей: Федора (1773–1835) и Сергея (1781–1866).

Сергея Пантелеевича по существующей в то время традиции записали в гвардию унтер-офицером, откуда в 1797-м с прочими малолетними он был исключен и переведен в Ярославский мушкетерский, а потом в 55-й Егерский полк, где прослужил до отставки, получив чин полковника. В 1806 году он вступил в брак с Пелагеей Петровной Симоновской, от которой имел только одного сына, появившегося на свет 15 июля 1807 года в селе Дымерка Киевского уезда Киевской губернии и названного Владимиром. Несмотря на то, что в мальчике достаточно рано проявились несомненные дарования и тяга к знаниям, дать сыну систематического образования родители не смогли по причине постоянных переводов отца от одного места службы к другому. Лишь в 1822 году он недолго посещал гимназию в Киеве. Желание учиться и неприглядная гарнизонная жизнь, о которой позднее он будет вспоминать с отвращением и брезгливостью, породили в нем стремление «отделиться от родительского дома, искать счастья где-нибудь в другом месте»¹. В конце 1825 года, 18-ти лет от роду, В. С. Печерин навсегда покинул его и уехал в Петербург, где некоторое время служил чиновником в разных ведомствах. В 1829 году он стал студентом филологического отделения философского факультета Петербургского университета и блестяще окончил его в 1831-ом — один из всего выпуска со степенью кандидата, получил место старшего учителя при 3-й городской гимназии, а в университете — помощника библиотекаря и лектора по кафедре латинского языка. С этого же года он стал печататься в «Сыне Отечества» Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча, альманахах «Невском» Е. В. Аладына и «Комете Беле» М. П. Погодина, помещая в них научные статьи и переводы из Шиллера и античных авторов.

В то время ему покровительствовали его университетский учитель профессор древних языков Ф. Б. Грефе и попечитель Петербургского учебного округа К. М. Бороздин. В 1833 году особым распоряжением товарища министра народного просвещения графа С. С. Уварова, также принимавшего участие в судьбе подававшего

большие надежды молодого ученого, он был причислен сверх квоты к Профессорскому институту и отправлен в Берлинский университет для завершения образования и подготовки к профессорской деятельности в России. Там его «сотоварищами» были П. Г. Редкин, Д. Л. Крюков, Ф. И. Иноземцев, С. И. Баршев, М. С. Куторга, А. И. Чивилев, Н. И. Пирогов и другие впоследствии видные деятели русской науки и образования.

Пребывание за границей сыграло роковую роль в судьбе В. С. Печерина, кардинально изменив течение его вполне ординарной до того момента жизни. До заграничной командировки В. С. Печерин, по собственному признанию, не имел «никаких политических убеждений, да и никаких убеждений вообще. Был у меня какой-то пошленький либерализм, — писал он многие годы спустя, — желание пошуметь немножко и потом со временем попасть в будущую палату депутатов конституционной России — далее мысли мои не шли»². Подтверждением тому служит и то обстоятельство, что В. С. Печерин **никогда и нигде** — ни в письмах, ни в мемуарных отрывках — не упоминал о своем отношении к явлениям общественной жизни. Даже такое громкое событие, каким явилось выступление декабристов, осталось им попросту незамеченным. Невольно проникаешься убеждением, что эта сторона тогдашнего социального бытия (и само социальное бытие вообще) его просто не интересовала. Он вел жизнь обыкновенного петербургского чиновника, «...усердно посещал маленькие балики у чиновников-немцев, волочился за барышнями, писал кое-какие стишки и статейки..., но что еще хуже — сделался ужасным любимцем ... Уварова...»³.

Однако пребывание за границей перевернуло внутренний мир В. С. Печерина. Его потрясли природа, описанию которой он уделил так много внимания в своих письмах 30-х годов; музейные коллекции и собрания, театральные постановки; само ощущение свободы, чувство личной раскованности. Прожив в Западной Европе два года, много поездив по Германии, Швейцарии, Италии, он проникся идеями Джузеппе Мадзини, Луи Блана и Пьера Леру, Гракха Бабёфа и Филиппа Буонаротти и стал крайним радикалом. Особое впечатление на него произвела книга Фелисите Ламенне «Слова верующего». Позднее В. С. Печерин оценил ее как «произведение сумасшедшего», но тогда, в середине 1830-х, она стала для него «откровением нового Евангелия», новой верой, «которой суждено обновить нашу дряхлую Европу!»⁴. «Надобно заметить, — подмечал много позже он сам, — что мне *ничто даром не проходило*. Какая-нибудь книжонка, стихи, два-три подслушанные мною слова делали на меня живейшее впечатление и определяли иногда целые периоды моей жизни»⁵. В этом признании интересно не увлечение В. С. Печерина социалистическими и коммунистическими идеями (что само по себе не столь уж и существенно), а восприятие им этих идей как «Евангелия» и «веры». Оно прямо свидетельствует о том, что это учение превратилось для него в объект своего рода религиозно-романтического поклонения. Он мнил себя героем, совершающим великие подвиги во имя освобождения человечества от тирании, изменяющим мировой порядок. Бросив вызов Богу, он сам ощущал себя Творцом:

И каждый орлиным полетом летит,
И смело грядущему в очи глядит,
И Богу кричит: «Я не хуже тебя!
И мир перестрою по-своему я!», —

писал он в 1834 году в одной из поэм⁶.

Мне ль, в бездействии, тоскуя,
Как былинке прозябать?
Нет! Я Бог! Миры хочу я
Разрушать и созидать!, —

утверждал в другом стихотворении⁷.

На родину В. С. Печерин возвращался неохотно: «с ужасною тоскою, с глубоким отчаянием»⁸. На границе Российской империи его посетило видение: он вдруг увидел возникшую в воздухе строку из «Божественной комедии» Данте «Оставь надежду, всяк сюда входящий!»⁹. После Европы (в самом широком смысле) Россия для него представлялась адом!!!

«Они, — писал о возвратившихся А. В. Никитенко, — отвыкли от России и тяготились мыслию, что должны навсегда прозябать в этом царстве рабства. Особенно мрачен Печерин»¹⁰.

В конце 1835 года В. С. Печерин был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре греческой словесности и древности Московского университета. Преподавал он только один семестр: с января по июнь 1836 года, но, судя по отзывам слушавших его студентов (Ф. Буслаева, Ю. Самарина, М. Строева) и коллег (М. П. Погодина), оставил по себе добрую память. Однако сам он тосковал, жаловался друзьям на скуку, рвался в Петербург, казавшийся ему центром общественной жизни, в конце концов, замкнулся в своем одиночестве и даже помышлял о самоубийстве. Он жил тоскою по идеалу. Однако действительность быстро разрушила его мечты. Осознав, что у него нет иного выхода, как стать верноподданным обывателем, «усесться на профессорской кафедре, завестись хозяйством, жениться, быть коллежским советником и носить Анну на шее»¹¹, он ужаснулся своей будущности. Его преследует образ «стеганого халата». Возненавидя всю окружавшую его действительность, В. С. Печерин задался целью бежать за границу при первом же благоприятном случае. Такой случай представился в июне 1836 года, и он навсегда покинул Россию.

Позднее он так объяснил этот шаг: «Я бежал из России, как бегут из зачумленного города: ...если б я остался в России, то с моим слабым и мягким характером я бы непременно сделался подлеишим верноподданным чиновником или попал бы в Сибирь ни за что ни про что. Я бежал, не оглядываясь, для того, чтобы сохранить в себе человеческое достоинство»¹².

В первые годы скитаний на чужбине В. С. Печерин, по его собственному признанию, был «республиканцем школы Ламенне, коммунистом, сен-симонистом, миссионером-проповедником»¹³, пытался установить контакт со швейцарскими и особенно итальянскими революционерами, польскими эмигрантами, последователями Франсуа Фурье. Однако все попытки оказались тщетными. Ему так и не удалось встретиться с лицами, игравшими хоть мало-мальски заметную роль в революционном движении тех лет. Много позднее, уже в 1870-х, годах в письмах к Ф. В. Чижову он привел столь удручающие характеристики «апостолов коммунизма», с которыми сводила его судьба, что становится понятным его неизбежное разочарование не только в них, но и в революционных идеях. Этому много способствовали и внешние обстоятельства — изменение самой окружавшей В. С. Печерина действительности. Мир быстро переменялся, становился другим, диктовал иной императив поведения, мышления, самого образа жизни, ибо невозможно постоянно

пребывать внутри непрекращающихся исторических катаклизмов. «В конце тридцатых годов, — вспоминал В. С. Печерин годы спустя, находясь уже в Дублине, — я тщательно следил за французскою литературою; читал все, что печаталось в Париже: историю, философию, романы, поэмы; везде звучала одна струна — какая-то усталость, разочарование, просто отчаяние. Все эти *безумцы*, веровавшие в *завтра*, ужасно как отрезвились. Все светлые надежды, все блистательные обещания — все это развеялось как дым: жизнь вошла в старую прозаическую колею. “Нечего ожидать от человечества!” — повторяли печальные голоса. Но люди с воображением, слабые и чувствительные сердца, однажды вовлеченные в атмосферу мистицизма, нелегко из нее выходят. Когда здание, воздвигнутое их фантазиею, обрушилось над их головою, они вместо того, чтобы выбежать на свежий воздух искать счастья в кипучей внешней деятельности, как-то лениво ищут приюта между развалинами, там, где-нибудь в уголке под уцелевшим готическим сводом с древнею резьбою, где бы можно им сидеть да мечтать вместо того, чтобы действовать и созидать»¹⁴. К этим людям «с воображением, слабым и чувствительным сердцам» принадлежал и сам В. С. Печерин. Он ждал быстрого, эффективного процесса борьбы, ждал удачи с первого шага, ждал широкого отзова на свой пламенный порыв и опустил руки перед действительностью. Он слишком надеялся на свои силы, думал разом потрясти строй современной ему жизни, и не исполнившиеся неразумные надежды вызвали уныние, недоверие к себе и другим. Болезненный упадок духа побудил его отречься от прежней жизни и прежних идеалов. Не сумев адаптироваться к переменам, он пережил очередной идейный кризис, выходом из которого стал для него переход в 1840 году в католичество, вступление в 1841-м (26 сентября) в монахи редемптористского ордена и принятие в 1843-м (10 сентября) сана католического священника. Смирненное, замкнутое и неспешное существование монаха показалось ему достойной альтернативой прежней бурной, насыщенной событиями и переживаниями жизни. Его не пришлось даже долго уговаривать — «я на все был готов»¹⁵. «Признаю, — писал он Ф. В. Чижову, — после нескольких лет бродяжничества и всякого рода политической и литературной болтовни это молчание было для меня истинным наслаждением»¹⁶. «Я был в том состоянии, когда душа жаждет забыть, отвергнуть самое себя...»¹⁷. В монастыре «я почувствовал себя как будто в свойственной мне атмосфере. Отрешение от излишеств, от ненужных вещей, от *ложных благ* — вот истинная свобода! Когда я остался один, меня охватило какое-то неописано-блаженное чувство спокойствия: здесь мертвая тишина! сюда не доходят никакие мирские звуки, здесь нет ни забот, ни тревог! здесь не надобно думать о завтра»¹⁸.

До конца 1844 года В. С. Печерин жил в Льеже, Виттеме, Брюгге; 1845–1848 провел в Англии, в Фальмуте, куда был направлен в качестве миссионера; затем переехал в Лондон, в Клапам, где в 1853 году встречался с А. И. Герценом, подробно рассказавшим об этом в «Былом и Думах»; в 1854-м перебрался в Лимерик, в первый редемптористский монастырь в Ирландии. Он стал известным проповедником, одним из видных ораторов ордена, пользовался авторитетом и признанием в среде католического духовенства.

Пройдут годы и на закате дней своих, подводя им итоги, В. С. Печерин с горечью признает: «Я проспал двадцать лучших лет моей жизни (1840–1860). Да что же тут удивительного! Ведь это не редкая жизнь на святой Руси. Сколько у нас найдется людей, которые или проспали всю жизнь, или проиграли ее в карты! Я и то и другое

сделал: *и проспал, и проигрался в пух!*»¹⁹, «...я будто напился воды из реки забвения: ни малейшего воспоминания о прошедшем, ни малейшей мысли о России...»²⁰.

Весьма показательно и то, что В. С. Печерин так и не сумел, несмотря на неоднократно предпринимаемые попытки, передать Ф. В. Чижову историю этого своего двадцатилетнего периода жизни, ибо таковой истории просто не было. Ему *ничего* было рассказать о ней другу. «Писать историю монаха, — признавался он Ф. В. Чижову в 1872 году, — нелегкая вещь. Ведь история предполагает *события*, т.е. борьбу разума со страстями, а в настоящем монастыре оба эти труженика, т.е. разум и воля, давным-давно отпеты и похоронены. История монаха — то же, что история карманных часов. Вот ты их завел, и они идут: стрелка медленно передвигается от секунды до секунды, от минуты до минуты, от часа до часа в продолжение 24 часов. Вот так и жизнь монаха. “Ну, да тут есть разница: у часов нет мозга, нет мысли, а у монаха есть”. — Правда, мысль у него есть, но ведь и она тоже *заведена* и медленно движется от утренней молитвы до псалмопения, от псалмопения до обедни, от обедни до духовного чтения, от обеда до ужина, а потом ее кладут спать, а по утрам, часу в 4-м или 5-м, опять ее заводят. Наконец, мысль превращается в какой-то ржавый механизм, как, например, у траппистов, где не позволяется ни говорить, ни читать, ни мыслить, где вся жизнь проходит в пении псалмов и земледельческих работах — там мысль улучшается и совершенно исчезает, человек падает ниже скота и живет уже какою-то прозябательною жизнью. Для кого же эта история может быть занимательною?»²¹

Но в 1861 году он порвал с орденом. Его намерение удалиться сперва в картезианский монастырь (в октябре 1861 года специально с этой целью посетил Францию), потом в общину траппистов (25 декабря того же года в монастыре Mount Meilleraie на юге Ирландии вступил в орден и посвящен в сан под именем отца Andrew) не осуществилось (в январе 1862 года вышел из него). Наконец в феврале 1862-го архиепископом Дублина был утвержден капелланом при одной из главных больниц города — Mater Misericordiae. Здесь он и провел последние 23 года своей жизни.

Третий и на этот раз последний духовный кризис, пережитый В. С. Печериным, оказался обусловлен, как это ни парадоксально, теми событиями, которые произошли на рубеже 1850-х — 1860-х гг. в... России. «Пока жил Николай, — признавался В. С. Печерин Ф. В. Чижову, — мне никогда и в голову не приходило думать о России. Да и о чем же было тут думать? Нельзя же думать без предмета. На нет и суда нет... Но лишь только воцарился Александр II, то вдруг от этой немой русской могилы повеял утренний ветерок светлого Христова воскресения. Что ищите живого с мертвым? Русский народ воскрес!»²² «В 1861 году, — развивал он эту же мысль в другом письме, — я носил белую одежду траппистов, работал с ними в поле в глубоком молчании, питался их гречневою кашею и молоком и ничем больше, и они были от меня в восхищении. ... Но это продолжалось всего каких-нибудь шесть недель, пока оно имело прелесть новизны, и пока я не услышал случайно от одной русской дамы о важных преобразованиях в России. Тут я не мог вытерпеть: “Как же мне живому зарыться в этой могиле и в такую важную эпоху ничего не слышать о том, что делается в России?” Итак, 19 февраля, освободившее 20 миллионов крестьян, и меня эмансипировало!»²³ Он прожил 20 лет в монастыре, не вспоминая о России, пока она сама не напомнила ему о себе.

В 1862 году В. С. Печерин пытался наладить контакт с А. И. Герценом и Н.П. Огаревым, посылал пожертвования в «Колокол», в 1864-м вступил в переписку с князем

П. В. Долгоруковым, в 1865-м — с племянником С.Ф. Поярковым, затем с А.В. Никитенко, но главным его адресатом стал Ф.В. Чижов, отношения с которым продолжались вплоть до смерти последнего в ноябре 1877 года, благодаря чему до нас и дошла история печеринской жизни.

Вместе с тем особую роль в своем духовном воскрешении помимо неких обстоятельств В. Печерин по собственному признанию отводил двум людям — А. И. Герцену и П. В. Долгорукову. «Вы, — писал он П. В. Долгорукову 25 ноября 1864 года, — с Герценом разбудили меня от богатырского сна...»²⁴. Много позднее, 2 ноября 1870 года, в письме Ф. В. Чижову он вновь вернулся к той же идее: «Этим пробуждением от богатырского сна я обязан Герцену. Он задел меня за живое, сказавши обо мне в “Полярной Звезде”, что у меня решительно все умерло»²⁵.

Эмансипация В. С. Печерина имела и другое важное последствие — он потерял веру в церковь и церковников. В отличие от 1850-х годов, когда в споре с А. И. Герценом он еще защищал католическую церковь и отводил ей едва ли не важнейшую роль в переустройстве общества²⁶, его эпистолярное наследие 1860-х, но преимущественно 1870-х годов содержит весьма острую и смелую (особенно с учетом его собственного положения) критику католицизма и католического духовенства.

Он полагал, что христианство как учение переживало глубокий кризис и не имело будущего. «Христианство... страдает неизлечимую болезнью, т.е. последним градусом старческой дряхлости»²⁷, «старческого изнеможения»²⁸, оно «отжило свой век»²⁹ и «несовместимо с порядком и благосостоянием никакого благоустроенного государства»³⁰, уверял он Ф. В. Чижова. «Мне кажется, — писал он, — я уже слышу предсмертный бред католицизма»³¹ (в другом письме — «издыхающего католицизма»³²). «С развитием науки религия все более и более удаляется в глубину внутреннего сознания»³³.

Церковь виделась ему «консервативной, аристократической, придворной», «задушевной приятельницей всех деспотов, прикрывавшей своею мантиею вековые заблуждения власти», пролившей «потоки крови в бессмысленных войнах», погубившей «миллионы людей на кострах» инквизиции³⁴. Он полагал, что «католическая церковь разлагается»³⁵, что «время церковей прошло»³⁶ и «ей пора сойти со сцены»³⁷. «В Риме все носит отпечаток крайнего изнеможения, дряхлости, рыхлости, все как будто разбито параличом...»³⁸.

Церковников В. С. Печерин награждал всеми известными ему пороками: они предстают в его письмах «невежественными и наглými фанатиками»³⁹, «корыстолюбцами»⁴⁰ и «ненасытными любостыжателями»⁴¹, «ярыми»⁴² и «наглými» честолюбцами, «стремившимися поставить себя выше всех законов»⁴³, а в целом — «презренной и ненасытной кастой»⁴⁴.

Не пощадил В. С. Печерин и самого Папу, называя его то «вице-Богом»⁴⁵, то «старой бабой»⁴⁶, то «дряхлым римским князьком»⁴⁷, сравнивая с Далай-Ламой⁴⁸ и турецким султаном⁴⁹. В. С. Печерин выступал против догмата о непогрешимости Папы⁵⁰ и приветствовал решение о лишении его светской власти, полагая это право «вопиющим анахронизмом»⁵¹.

«...я ни во что не верю, — писал В. С. Печерин Ф. В. Чижову в июле 1873 года. — Я просто верую в постепенное развитие человеческого рода посредством науки и промышленности»⁵². «...Я теперь совершенно хладнокровно и равнодушно смотрю на обстоятельства, приковывающие меня к разлагающемуся трупу католицизма»⁵³. Духовная жизнь, уверял он Ф. В. Чижова, это «такая мертвечина, мерзость запусте-

ния, стояще на месте святе, это воплощенная колоссальная ложь»⁵⁴. В. С. Печерин не считал себя «истым ревностным католиком»⁵⁵, скорее еретиком, заслуживающим самого сурового наказания: «Каких казней я достоин за это кощунство? Какими раскаленными клещами следует истязать меня? На каком костре следует сжечь меня и развеять мой прах на все четыре стороны...?»⁵⁶

По признанию Ф. В. Чижова, В. С. Печерин видел в католическом священстве «источник зла в настоящее время»⁵⁷. Конечно, оценки и мнения В. С. Печерина были определенной данью времени, тому кризису, который католическая церковь переживала на рубеже 1860–1870-х годов, но одновременно и свидетельством очевидного излома его души.

Альтернативой религии стали для В. С. Печерина наука и литература. В это время он возвращается к своему давнему увлечению — поэзии, изучает арабский, персидский, санскритский языки, выписывает русские и европейские газеты и журналы, читает новейшие труды филологов и философов, внимательно следит за изданиями греческих и римских классиков, за новинками художественной литературы, знакомится с творчеством В. Гюго, Эжена Сю, И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, восхищается собранием русских народных сказок А. Н. Афанасьева, серьезно занимается изучением системы Ч. Дарвина и естественных наук, особенно химии и биологии, ставит в своей домашней лаборатории различные химические опыты, собирает гербарий и проводит наблюдения (в том числе метеорологические) в ботаническом саду Дублина. Эти занятия стали содержанием по меньшей мере пятнадцати последних лет его жизни.

В. С. Печерин скончался 17 апреля 1885 года в Дублине после непродолжительной болезни накануне своего 78-летия. Похоронен в Дублине на Гласневинском кладбище (Glasnevin Cemetery) близ могилы видного деятеля ирландского национального движения Даниеля О'Коннелла. 1 мая 1991 года его прах был перезахоронен на новом кладбище Динсгрейндж (Deansgrange Cemetery), в пригороде Дублина Дин Лири, на участке, отведенном для редemptористского ордена.

Даже столь беглое знакомство с основными вехами биографии В. С. Печерина позволяет прийти к убеждению, что жизнь его представляет собою череду духовных кризисов, первый из которых пришелся на середину 1830-х, второй — на рубеж 1830–1840-х и третий — на начало 1860-х годов. Суть каждого из них заключалась в тотальном отрицании предшествовавшего этапа деятельности и присущих ему убеждений.

Собственно, в самом факте отрицания нет ничего экстраординарного. Более того, оно даже необходимо и полезно. Все дело лишь в том, что негативизм (нигилизм?) В. С. Печерина не содержал в себе позитивного значения, положительного, творческого импульса для последующего развития. Если, например, неприятие российской действительности для многих его современников — П. Я. Чаадаева и Н. И. Тургенева, А. С. Хомякова и Б. Н. Чичерина, К. С. Аксакова и Т. Н. Грановского, А. И. Герцена и В. Г. Белинского — послужило прологом для великого спора о прошлом, настоящем и будущем России, о ее месте в семье просвещенных европейских народов и в конечном счете привело их к созданию пусть утопических, но программ преобразования и обновления страны, то выбор В. С. Печерина оказался совершенно иным. Его отрицание стало формой **бегства** от реальной действительности, от обстоятельств и проблем жизни, от необходимости искать и находить решения назревших вопросов (в первую очередь мировоззренческих), наконец, от ответственности

за им же принятые решения. Подобный стереотип поведения вполне можно квалифицировать как «страх жизни».

Основу этого стереотипа составляет конфликт между европеизированной (хотя бы отчасти) личностью и архаичным социумом, сохранившим приверженность традиционной системе ценностей, ориентированным на воспроизводство исторически сложившихся форм и норм жизни и отрицавшим любые новации, противоречившие обычаю. В отличие от стран Западной Европы, где личность как свободный субъект сознательной волевой деятельности давно уже сформировалась, в России индивид по-прежнему был подчинен социуму, растворен в нем, полностью отождествлен со своей социальной ролью. Приобщение к западноевропейскому культурному наследию и в том числе социальным идеалам являлось необходимым условием для процесса трансформации индивида в свободную и ответственную личность. Таким образом, «русскому европейцу» предстояло определить для себя новую социальную роль и новое ролевое поведение, но в прежнем, неизменном социуме. Поэтому, как только такая создающаяся личность отрывалась от привычной среды бытования, она неминуемо начинала, во-первых, отторгать не только прежнюю, предписанную ей сообществом, социальную роль, но и само это сообщество, а, во-вторых, испытывать большие трудности с сохранением собственного «я» (личностной идентичности), своей духовной и нравственной сущности. Именно такую конфликтную ситуацию переживал В. С. Печерин в середине 1830-х годов. Она явилась и главной причиной его отъезда из России.

Из сказанного вытекает еще один чрезвычайно важный для личностной характеристики самого В. С. Печерина, а также определения социальной значимости его фигуры вывод: было бы ошибкой полагать, что он бежал от российской действительности, персонифицированной в личности Николая I. Он покинул Россию вовсе не по идейным соображениям, поскольку таковыми, по его же собственному признанию, приведенному выше, вовсе не обладал. В отличие от других В. С. Печерин не был (и не мог быть принципиально по причине отсутствия мировоззрения) ни диссидентом, ни политическим эмигрантом. Уверение А. И. Герцена, что «и этот грех лежит на Николае»⁵⁸, высвечивает лишь одну из сторон проблемы и не самую главную. Вполне понятно, почему А. И. Герцен придал своему тезису ярко выраженную политическую направленность. Но дело заключалось не только и даже не столько в николаевской действительности, какое бы губительное воздействие на русское общество она ни оказывала, сколько в том, что представляло собою само русское общество той эпохи. Люди типа В. С. Печерина, а по большому счету и официальная николаевская Россия, являлись лишь симптомами болезни, поразившей страну. Сама же болезнь, порожденная так называемой «двойной революцией» — французской буржуазной и английской индустриальной⁵⁹ — заключалась в безграничной экономической, политической и социальной отсталости России, неразвитости в ней буржуазных общественных отношений, медленных темпах ее исторического развития и приобщения к достижениям западноевропейской цивилизации. Вот почему никто из современников, даже самых близких В. С. Печерину, не сумел ни понять, ни тем более вразумительно объяснить его поступок. Неясным он остался и для самого В. С. Печерина. Об этом прямо свидетельствует тот факт, что даже в 1870-е годы, спустя 40 лет после самого события, в письмах Ф. В. Чижову он, как ни старался, не смог **рационально** мотивировать свое поведение, вновь и вновь возвращаясь к описанию владевших им в то время

переживаний и ощущений, т. е. **чувств**. Действия В. С. Печерина всегда определяли эмоции, а не разум.

Порвав с Россией и оказавшись на Западе, достигнув, казалось бы, столь страстно желаемой мечты, В. С. Печерин, однако, и там не нашел себе применения. Причин тому несколько.

С одной стороны, в конце 1830-х годов крайние идеи, сторонником которых он являлся, оказались изжитыми самим западноевропейским обществом, уставшим от революционных потрясений. Течение жизни возвращалось в размеренное, устойчивое, стабильное русло.

С другой стороны, западноевропейская концепция личности не стала (да и не станет никогда) основой его идейных убеждений.

Наконец, сами социалистические и коммунистические идеалы, проповедовавшиеся В. С. Печериным в то время, оставались ему в сущности чуждыми, являлись скорее наносными, неорганичными его сознанию, своего рода увлечением, нежели смыслом жизни и деятельности, поскольку приверженность им была не актом его добровольного и осознанного выбора, а в каком-то плане предопределением свыше, т. е. результатом воздействия на него внешних обстоятельств. «До тех пор (1838) все мои идеи были чисто французские...»⁶⁰ (Впоследствии, иронизируя над собой, он писал, что имеет «зуб на Францию именно за то, что она своими идеями заставила меня жить и действовать наперекор моим врожденным наклонностям»⁶¹). Внешнему фактору В. С. Печерин вообще отводил особую (отчасти мистическую) роль в своей судьбе. Недаром в его письмах постоянно присутствует образ некоей «звезды», «неведомой силы», которая вызвала его на Запад и вела «путем незримым к какой-то высокой цели, где все разрешится, все уяснится и все увенчается»⁶². Столь же магическое воздействие оказали на него книги. «Решительно участь жизни моей зависела от последней книжки, вышедшей из парижских тисков»⁶³. «Книги имели решающее влияние на главные эпохи моей жизни. ...Брошюрка Ламенне заставила меня покинуть Россию и броситься в объятия республиканской церкви»⁶⁴. Вся его жизнь, по его же признанию, являлась «сцеплением микроскопических нравственных и физиологических атомов»⁶⁵. Показательно и другое: под конец жизни В. С. Печерин, по сути, пересмотрел свое мнение. «Вообще, — уверял он Ф. В. Чижова, — я не верю, чтобы кто-либо мог быть убежден речами, доводами: нет! каждый из нас бывает убежден своим собственным умом и сердцем, а внешнее влияние не что иное, как предлог, за который мы хватаемся, чтобы осуществить давнишнее стремление или предчувствие нашей души»⁶⁶. «Политическая дурь испортила лучшие годы моей юности»⁶⁷.

Отринув российский социум, В. С. Печерин тем самым лишил себя возможности исповедовать конформизм и консервативную идеологию, а к восприятию либеральной он не был готов по определению. Так он сделался ревностным адептом социалистической мысли. В силу этого ближайший же идейный кризис неизбежно должен был обернуться для него переменой этих убеждений на другие, ибо иного способа преодоления кризиса, иного механизма самозащиты и самосохранения себя как личности у него просто не существовало. Именно это и произошло с В. С. Печериным в 1840 году, что он, впрочем, признавал и сам: «Я прошел через все возможные философские системы: я был гегелианцем, пифагорийцем, фурьеристом, коммунистом и пр., — писал он в августе 1840 года отцу Манвису»⁶⁸, — но после ваших проповедей я убедился в истинности католической веры и прошу вас поучить меня и наставить на путь правый!»⁶⁹.

Это состояние В. С. Печерина очень верно подметил Ф. В. Чижов. Через несколько лет, в 1844 году, посетив В. С. Печерина в Виттеме и проговорив с ним целый день, он пришел к выводу, что «его убеждения не имеют глубоких основ»⁷⁰, что он нашел в монастыре скорее «приют огромному самолюбию, нежели точно покорился сердцем и умом религии. Религия для него пристань, — делился он своим наблюдением с А. В. Никитенко, — а раз ее нашедши, нашедши после долгих бедствий и терзаний, с нею уже трудно расстаться, тем больше, что точно это пристань самая верная и истинно успокаивающая, а не только дающая приют тем, кто входит в нее с полною покорностью сердца...»⁷¹; «...он нашел себе приют хотя и дряхлый, полуразвалившийся, но все подчас он его прикрывает от нравственных невзгод...»⁷²

Спустя еще почти 20 лет, в 1863-м, помимо Ф. В. Чицова, ничего не ведая о его мнении, ни разу больше не встретившись с ним, в письме к П. В. Долгорукову В. С. Печерин высказал ту же самую мысль: «Католическая вера пришла гораздо позже, — утверждал он, — она была только *soçollaire* (завершение — *фр.*), необходимое заключение долгого логического процесса или, лучше сказать, она была для меня последним убежищем после всеобщего кораблекрушения европейских надежд в 1840 году»⁷³.

Об этом же писал и А. И. Герцен: «Разобщенным показался себе, сирым русский человек в сортированном и по горло занятом Западе, ему было слишком безродно. Когда веревка, на которой он был привязан, порвалась и судьба его, вдруг отрешенная от всякого внешнего направления, попала в его собственные руки, он не знал что делать, не умел с ней управляться и, сорвавшись с орбиты, без цели и границ, упал в иезуитский монастырь»⁷⁴.

Вступив в конфликт с реальностью, требовавшей от него новой идентификации, В. С. Печерин в очередной раз поменял свою социальную роль, а вместе с ней и воззрения. Его новым убежищем на целых двадцать лет стали католичество и священство.

В этой связи большой интерес представляют те места из переписки В. С. Печерина и Ф. В. Чицова, которые содержат как подробности принятия им католичества и пребывания в монастыре, так и оценки внутреннего состояния католической церкви в начале 1870-х годов. Собственно к религии как одной из мировоззренческих систем они не имеют никакого отношения. Речь в них в действительности идет совершенно о другом — об обоюдном и искреннем стремлении двух друзей понять, почему и как один из них превратился из отъявленного радикала, сен-симониста и бунтаря в смиренного монаха и католического священника, т.е. о философском восприятии мира, о смысле и бессмыслии жизни. Эти отрывки позволяют многое понять и объяснить в поведении В. С. Печерина.

В первую очередь становится очевидным **нерелигиозность** нашего героя, что, впрочем, он и сам не отрицал: «...благодаря Богу мы с тобой не очень глубоко религиозны...»⁷⁵, — писал он Ф. В. Чицову в августе 1876 года. Католицизм (как и все без исключения предыдущие и последующие воззрения) не стал основой его идейных убеждений, не затронул его чувств и сердца. Полагая себя верующим в 1840-х и 1850-х годах, он перестал быть таковым в 60-х, а в 70-х предстает скорее атеистом, ниспровергателем (в очередной раз!) устоев и догматов, нежели убежденным католиком. Свидетельством тому — его высказывания в адрес римской церкви, церковников и самого Папы. На этом фоне Ф. В. Чижов выглядит истинно религиозным человеком.

Подобная метаморфоза В. С. Печерина конечно же не случайна. Она лишний раз убеждает нас в том, что религия, монастырь, священство являлись вовсе не закономерным и логическим завершением, **итогом** его духовного развития и жизненного пути, а всего лишь одной из многих **форм** его **бытия**. К сожалению, то была дорога в никуда, в тупик. «Я проспал двадцать лучших лет моей жизни» — это признание бессмыслия такой жизни. Отсюда и столь резкие оценки церкви и ее служителей (сдобренные отчасти, и тем кризисом, который сама католическая церковь пережила на рубеже 1860–1870-х годов).

Вместе с тем выбор В. С. Печерина после нескольких лет неистового увлечения революционными идеями именно религии и особенно монастыря оказался неизбежным и, более того, единственно возможным, каким бы ошибочным он впоследствии ни представлялся и самому В. С. Печерину, и его друзьям и недругам в России. Другого выбора в тот момент и при тех обстоятельствах у него и быть не могло. Совершая его, В. С. Печерин неосознанно для самого себя попытался вернуться в прежний, привычный ему социум, который он совсем недавно покинул, но который показался ему спасением и приютом после всех пережитых бед, потрясений и разочарований. А поскольку в Россию он вернуться уже никак не мог, то нашел ей «достойную» замену — монастырь со строгим уставом, аскетизм, полную покорность и подчинение Богу. Устав от активной и еще непривычной ему социальной роли и образа жизни, который он вел в период скитальчества по Европе, захлебнувшись свободой, В. С. Печерин поспешил укрыться в тихой пристани, монастырской архаике, позволившей ему на время обрести душевный комфорт и гармонию между внутренним и внешним ипостасями его «я». В сущности, то было виртуальное **возвращение в Россию**. «Если бы какая-нибудь буря занесла мой челнок на берег Цейлона, и я бы нашел там приют в каком-нибудь монастыре буддистов, — писал он Ф. В. Чижову, — я бы так же ревностно [как и в орденах редемптористов — С.Ч.] исполнял все их правила и постановления (regles de constitution), потому что выше всех философий и религий у меня стоит *священное чувство долга*, т. е. человек должен свято исполнять обязанности, налагаемые на него тем обществом, в коем судьба привела его жить, где бы то ни было, в Китае, Японии, Индостане, все равно!»⁷⁶.

Новый «роман с Россией» оказался хотя и длительным, но непрочным. Под воздействием внешних обстоятельств последовал новый бунт, проявлениями которого стали выход из монастыря, неудачные попытки уйти к картезианцам и траппистам, славившимся еще более строгим уставом, чем редемптористы, переписка с А. И. Герценом, А. В. Никитенко, племянником, дублинское увлечение науками и искусствами. Движущей пружиной этого восстания явился все тот же конфликт европеизированной личности и архаичного социума, отличавшийся от предыдущих лишь своей конфигурацией. Недаром начало мятежа сам В. С. Печерин напрямую увязывал с событиями, случившимися именно в **России**. Симптоматично и то, что главное внимание в переписке В. С. Печерин и Ф. В. Чижов уделили опять-таки **России**. Перемены в **России** привели к очередным переменам в жизни В. С. Печерина. В связи с этим становятся понятными глубина и пронизательность заявления В. С. Печерина, что его записки и судьба «представляют явление самостоятельного *русского* развития, я говорю *русского*, — писал он, — потому что подобное развитие невозможно было бы ни в Англии, ни во Франции, ни в Германии, где все как-то замкнуто в одной рутинной колее»⁷⁷. И действительно, его жизнь отразила всю сложность и противоречивость процесса формирования **русского общественного**

сознания. Вот почему и он, и Ф. В. Чижов неосознанно, возможно, для самих себя, но так настойчиво стремились сделать его «историю» достоянием русской общности, предостережением потомкам, интуитивно ощущая своевременность ее появления, видя в ней потребность нарождавшейся в России новой эпохи.

Вместе с тем разрыв с религией и церковью оказался неполным: В. С. Печерин по-прежнему оставался священником, что сам вполне прозаично (не без доли цинизма) объяснил Ф. В. Чижову опасением потерять на склоне лет единственный источник к существованию и невозможностью физического возвращения в Россию. «Вот так я связан по рукам и по ногам железной цепью необходимости и никакого знака жизни мне подать невозможно, — писал он. — Все мои мысли, все сочувствия на *противоположном* берегу с передовыми людьми обоих полушарий; а в действительной жизни я остаюсь по *сю сторону* с живым сознанием, что принадлежу к презренной и ненавистной касте...»⁷⁸ Отсюда и переезд в Дублин, и работа капелланом в больнице. Этот шаг отразил понимание им того, что и в обновлявшейся России ему тоже нет места. То было еще одной гранью его отрицания России.

Эпистолярное наследие В. С. Печерина не оставляет сомнения в том, что созидание в Дублине новой **формы бытия** давалось ему невероятным трудом. Более того, приходишь к твердому убеждению, что все его так называемые научные и литературные опыты и занятия в сущности таковыми не являлись, а были лишь их **имитацией**, вынужденной духовной опустошенностью и необходимостью хоть чем-нибудь заполнить время, занять ум и успокоить сердце.

...И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

То была последняя и отчаянная попытка потерявшего всяческие ориентиры человека обрести даже не смысл жизни, что не представлялось уже возможным, а просто точку опоры и утешение в старости.

Жизнь В. С. Печерина представляется затянувшимся спектаклем со многими актами, в каждом из которых он предстает в ином обличье, новой личине — бесконечная череда масок, ролей, амплуа, декораций. И ни одна из них не отражала сути его натуры. Сравнение себя с актером посещало и самого В. С. Печерина. «Под влиянием высшего вдохновения я задумал и развил длинную поэму жизни... Я разыгрывал всевозможные роли, — признавался он в 1865 году в письме к племяннику. — Я был подканцеляристом Временной Комиссии для решения счетов и счетных дел прежнего времени у Синего моста и был посажен под арест за нерадение к службе — кутил с гвардейскими подпрапорщиками, потом вдруг перебрался на 5-й этаж в Гороховой улице и жил там бедным студентом, пустынноиком, был членом Профессорского института и *почти* профессором Московского университета, бродил бесприютным нищим по Франции, продавал ваксу на улицах Люттиха (Liège) в Бельгии, был секретарем у английского капитана и за это получал пять франков в неделю, наконец, я был республиканцем школы Ламенне, коммунистом, сен-симонистом, миссионером-проповедником, теперь, вероятно, я вступил в последнюю ролю: она лучшая из всех и близшая к идеалу: я разделяю труды сестер милосердия и вместе с ними служу страждущему человечеству в больнице»⁷⁹.

Знакомство с биографией В. С. Печерина позволяет прийти к выводу о том, что все идеи и убеждения, которые он так или иначе разделял в разные годы, в конечном счете оказывались поверхностными и легко «соскабливались» самой жизнью.

В. С. Печерин так и не сумел выработать в себе мировоззрения, стать свободной, самостоятельной и независимой личностью. «Я всегда, — признавался он, — был под влиянием той или другой философской системы: этот бес никогда меня не покидал»⁸⁰. Поэтому-то подлинным смыслом его жизни явилось **бегство** от нее и самого себя, бесконечные метания из одной крайности в другую: от полного отсутствия убеждений — к радикализму, мессианству в духе Ламенне, от противопоставления себя Богу — к религии, от православия — к католицизму, от России — к Западной Европе и вновь к России. Он был обречен на одиночество и скитальчество. Недаром В. С. Печерин в письмах Ф. В. Чижову столь подробно описывал именно свои путешествия и неоднократно возвращался к образу Агасфера, этого символа скитальчества. Под пером В. С. Печерина дорога превратилась в философскую категорию, стала олицетворением его судьбы. Ему нигде нет места, ибо в России он уже невозможен, а на Западе еще не нужен. Но при этом следует понимать, что именно так сложившаяся жизнь В. С. Печерина есть не случайное, единичное явление, а проявление общей закономерности. Проблема «бегства» (не только в прямом смысле, но преимущественно духовного метания, выработки убеждений) представляет собою один из срезов сложнейшего и совсем не однозначного процесса формирования в России общественного сознания, трансформации **русского** человека в **европейскую** личность.

Конфликт между индивидом и социумом в случае с В. С. Печериным завершился трагически: обладая большими дарованиями, он растратил их совершенно напрасно, без всякой пользы, не создал и не оставил после себя ничего и завершил земной путь с осознанием **бессмыслия** собственного бытия.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.

Последнюю четверть своего века В. С. Печерин прожил в раздвоенном мире, в двух ипостасях, одинаково ему важных и необходимых, прожил безотрадно и мучительно, одиноко, без друзей, без веры (в том числе и в Бога). Книги и милосердие — это все, что судьба предоставила ему на закате его дней.

«Входите тесными вратами; потому что широки врата и странен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»⁸¹.

«Врата, ведущие в погибель», широко открылись перед В. С. Печериным, и он не миновал их...

* * *

Несмотря на все перипетии судьбы, имя В. С. Печерина не кануло в Лету. От забвения его спасли... его же **письма**, в которых он ярко, без прикрас, а в иных случаях с беспощадностью к самому себе рассказал историю собственной жизни.

Эпистолярное наследие В. С. Печерина дошло до нас в исключительно хорошей сохранности и за несколькими, по-видимому, исключениями в полном объеме. По своему составу оно распадается на две неравные части — собственно письма, представляющие собою большой комплекс материалов, сложившийся отчасти в 30–40-е

и 80-е, но преимущественно в 50–70-е годы XIX столетия; и приложенные к ним мемуарные отрывки, составляющие в этой совокупности лишь малую толику.

Однако по ряду причин достоянием потомков стали первоначально именно эти мемуарные отрывки, которым историографическая традиция незаслуженно отвела главную роль в трактовке феномена В. С. Печерина.

Обстоятельства создания и публикации воспоминаний В. С. Печерина сложны и в то же время увлекательны.

Все началось со счастливой случайности. В 1865 году, просматривая русские периодические издания, В. С. Печерин в одном из номеров газеты «День», издававшейся И. С. Аксаковым, натолкнулся на имя Федора Васильевича Чижова, своего университетского товарища, с которым не виделся с 1844 года. Встреча с прошлым пробудила в нем, одиноко жившем в Дублине после выхода из монастыря, томительные воспоминания, и он, движимый неясным даже для себя побуждением, отправил в Москву И. С. Аксакову письмо, приложив к нему стихотворение «Не погиб я средь крушенья».

Не погиб я средь крушенья!
Не пришел еще мой час!
И средь бурного волненья
Мой светильник не погас!
И подчас, как молнии, блещут
Мысли юности моей,
И в груди моей трепещут
Вдохновенья прежних дней.

И. С. Аксаков немедленно познакомил с содержанием письма Ф. В. Чижова, с которым был коротко знаком, а затем напечатал его со своими обширными комментариями в № 29 «Дня» от 2 сентября. И. С. Аксаков не мог предвидеть, какие далекие последствия будет иметь эта публикация.

Уже 16 сентября племянник В. С. Печерина — Савва Федосеевич Поярков, живший в Одессе и с 1860 года состоявший с ним в переписке, отправил в Дублин взволнованное послание. По его словам, помещенные в «Дне» материалы произвели ошеломляющее впечатление на многих людей; знакомые требовали от него новых подробностей, а поскольку сведения, коими он располагал, были скудны и отрывочны, то он решил обратиться непосредственно к В. С. Печерину — «единственному источнику» — с просьбой составить и прислать ему подробную автобиографию, которую он хотел получить «в полную собственность» и брался напечатать от своего имени. «Только таким путем я могу удовлетворить общему желанию, и только этим путем до Вас дойдут в печати все отклики сочувствия к Вам русских», — писал С. Ф. Поярков⁸².

В середине октября В. С. Печерин отправил племяннику первые автобиографические заметки и стихотворения. Тот отозвался восторженным письмом: «...как только я заявил близким моим знакомым, что имею дополнительные от Вас сведения и стихотворения, — сообщал он В. С. Печерину, — то дня через три должен был носить Ваше письмо постоянно при себе, чтобы удовлетворить желанию всех обращающихся ко мне за прочтением этого письма»⁸³.

Таким образом, В. С. Печерин неожиданно для самого себя оказался в центре внимания определенных кругов русской общественности. Просьба С. Ф. Пояркова

написать собственное «житие» и неподдельный интерес, проявленный к нему в России, помогли преодолеть одиночество и идейный кризис, придали новый смысл его существованию.

Переписка В. С. Печерина и С. Ф. Пояркова продолжалась до лета 1873 года и оборвалась из-за смерти С. Ф. Пояркова. За эти годы В. С. Печерин написал и отправил ему семь отрывков: «Первые воспоминания. 1812 год», «1815. Одесса в казармах», «Мой роман», «1823–1825», «Эпизод из петербургской жизни», «Бегство из Цюриха», «Путешествие в Мец».

С. Ф. Поярков положил начало коллекционированию материалов В. С. Печерина. «Я тщательно собираю все Ваши труды...», — писал он ему в марте 1866 года. «Едва ли многим не только у нас, но и в опередивших нас государствах выпадает счастливый жребий иметь такие семейные записки, — развивал он свою мысль в июне того ж года. — Поверьте, — уверял он В. С. Печерина, — что эта святыня будет храниться и передаваться в семействе моем вместе с наследственными святыми образами... Я собираю все, касающееся Вас, с чувством ненасытного скраги»⁸⁴.

Публикация в «Дне» послужила толчком к началу переписки В. С. Печерина с А. В. Никитенко, которого он хорошо знал по Петербургу. А. В. Никитенко первый написал В. С. Печерину. Однако эта переписка по неизвестной причине прервалась осенью 1869 года. За все время В. С. Печерин послал А. В. Никитенко только один отрывок: «Эпизод из петербургской жизни» и стихотворение «Ирония судьбы».

С 1865 года завязалась переписка В. С. Печерина и Ф. В. Чижова, продолжавшаяся в течение последующих 12 лет вплоть до смерти Ф. В. Чижова и ставшая потребностью, нравственной опорой для В. С. Печерина. Однако до лета 1869 года вопрос о мемуарах как таковых ими не обсуждался. Лишь дважды в письмах В. С. Печерина встречаются упоминания о каких-то сочиненных им заметках. В тексте письма, датированного 16 сентября 1865 года, содержится часть отрывка «1815. Одесса», сопровождаемая осторожным замечанием — «отрывок из моих записок, которые я начал было писать, но едва ли буду продолжать»⁸⁵. В начале октября 1867-го он сообщил Ф. В. Чижову, что отправил племяннику несколько листов своих воспоминаний, но не знает, сумеет ли тот их напечатать. Ф. В. Чижов, видимо, никакого значения этим упоминаниям не придавал; по крайней мере, в его ответных письмах на этот счет нет никаких замечаний. В то время ведение дневников и различного рода записок было явлением ординарным.

Интерес к заметкам В. С. Печерина возник у Ф. В. Чижова под влиянием двух обстоятельств. В июне 1869 года по просьбе В. С. Печерина, находясь проездом в Москве, его посетил С. Ф. Поярков. Во время беседы Ф. В. Чижов впервые узнал о существовании мемуаров и, заинтересованный рассказом Саввы Федосеевича, выразил желание познакомиться с ними. Встреча с С. Ф. Поярковым совпала с другим событием — празднованием 50-летнего юбилея Петербургского университета, по случаю которого П. И. Бартнев, издатель известного журнала «Русский Архив», просил Ф. В. Чижова написать воспоминания о студенческом времени. Тогда-то и зародилась у Ф. В. Чижова идея, которой он поспешил поделиться с В. С. Печериным в письме от 21 июля 1869 года. Он писал, что до сих пор просьбу П. И. Бартнева не выполнил, «...а хочется исполнить и непременно хочется изобразить дорогую мне и милую горячую голову — моего Печерина. Поэтому я просил бы тебя, — продолжал Ф. В. Чижов, — засядь и в несколько приемов напиши твои воспоминания, которые я введу в свои как портрет твой, тобой самим написанный»⁸⁶.

В октябре того же года Ф. В. Чижов получил первый из адресованных ему мемуарных отрывков — «Эпизод из петербургской жизни», который так ему понравился, что он изменил первоначальный план — теперь он намеревался написать воспоминания, целиком посвященные В. С. Печерину, и опубликовать их в «Русском Архиве». Ф. В. Чижов настойчиво, почти в каждом письме, стал требовать от В. С. Печерина все новых и новых отрывков. Ф. В. Чижова интересовали все обстоятельства жизненного пути В. С. Печерина, он просил его «не жалеть... памяти и... вспоминать все подробности»⁸⁷. Но особенно интересовал его вопрос о переходе В. С. Печерина в католицизм. «Никак я не могу понять, — сетовал он в январе 1870 года, — каким образом умело тебя оплести католичество... мне хотелось бы... знать как самый путь... так и внутренний ход твоего преобразования...»⁸⁸. В. С. Печерин пытался удовлетворить интерес Ф. В. Чижова, и это во многом повлияло на характер, содержание и направленность отрывков, определило их специфику и особенности.

С 1871 года Ф. В. Чижов становится фактически единственным адресатом В. С. Печерина: С. Ф. Поярков в 1871—1872 годах получил из Дублина всего два письма. В декабре 1871 года в письме к Ф. В. Чижову он не без горечи констатировал: «...переписка моя с Владимиром Сергеевичем была реже, притом же все тяготение его переписки теперь к Вам...»⁸⁹. В этой связи становится понятным тот факт, почему именно Ф. В. Чижов явился владельцем большинства — около 40 — мемуарных отрывков.

В. С. Печерин приступил к целенаправленной работе над своими мемуарами в середине 1860-х годов в возрасте 58 лет и продолжал ее до 1875 года. Воспоминания не представляют собой сплошного повествования. Это отдельные отрывки, каждый из которых может рассматриваться как самостоятельное произведение, но только собранные вместе они дают достаточно полное представление о хронологической канве жизни В. С. Печерина и его идейных исканиях. В большинстве своем мемуарные отрывки являются приложениями к письмам С. Ф. Пояркову и Ф. В. Чижову и лишь в отдельных случаях составляют органическую часть самого письма. Иногда письмо представляет собою мемуарный отрывок, к которому сделана небольшая приписка, иногда таковая вообще отсутствует.

Работая над воспоминаниями, В. С. Печерин не соблюдал строгой хронологии. В изложении конкретного материала он зачастую допускал отступления как по собственной инициативе, так и в связи с настоятельными просьбами Ф. В. Чижова вернуться к каким-либо с его точки зрения недостаточно ясно изложенным или вообще пропущенным сюжетам. Так возникли, например, отрывки «Лугано и как я туда попал», «Три женщины», «Легенда о монахе и бесе» и др.

Занятия В. С. Печерина мемуарами стимулировались двумя обстоятельствами: требованиями друзей (о чем говорилось ранее) и еще в большей степени надеждой увидеть свои воспоминания напечатанными в России.

Первым выдвинул эту идею и начал хлопотать о публикации печеринских сочинений С. Ф. Поярков. Уже в октябре 1865 года он связался с И. С. Аксаковым, послал ему полученные к тому времени от В. С. Печерина мемуарные отрывки, намереваясь увидеться с ним в декабре проездом в Петербург. Однако попытка напечатать в «Дне» выборку из писем «дублинского эмигранта» потерпела фиаско; «редакция, — по словам С. Ф. Пояркова, — не признала этого удобным и отказала мне под предлогом, что прекращает свое издание с 1866 года»⁹⁰. Весной 1866-го С. Ф. Поярков, находясь в Петербурге по делам службы, вел переговоры с какими-

то неизвестными нам редакциями, но безрезультатно, поскольку издатели боялись цензурных гонений. Впрочем, в конце концов, усилия его принесли некоторые плоды — «Современник» и «Отечественные записки» дали согласие напечатать заметки В. С. Печерина. С. Ф. Поярков незамедлительно сообщил об этом в Дублин, намереваясь подготовить имевшийся в его распоряжении материал к публикации и умоляя прислать продолжение. Однако в условиях реакции, наступившей после выстрела Д. Каракозова (апрель 1866 года), С. Ф. Поярков либо счел публикацию воспоминаний несвоевременной и неуместной, либо не сумел преодолеть рогаток цензуры.

Большого успеха удалось добиться Ф. В. Чижову. Его стараниями в 1870 году в «Русском Архиве» был напечатан мемуарный отрывок «Эпизод из петербургской жизни», а через год — еще один отрывок из письма В. С. Печерина, посвященного рассуждениям о преимуществах реального образования перед классическим. По инициативе Ф. В. Чижова возникла переписка (продолжавшаяся, правда, недолго и не имевшая никаких последствий) между П. И. Бартевым и В. С. Печериным.

Неожиданным следствием публикации «Эпизода из петербургской жизни» явилось обращение к П. И. Бартеву графа С. Г. Строганова: «Не полагаете ли Вы, милостивый государь, — интересовался он в сентябре 1870 года, — что для читателей “Русского Архива” будет любопытно продолжение статьи из записок Владимира Сергеевича? Для некоторых молодых оно будет и поучительно; они узнают, как много зависит от первого ложного взгляда на жизнь и как опасно подчинять свои действия позывам эгоизма, своеволия и крайних мыслей»⁹¹. Руководствуясь соображениями назидания молодому поколению, С. Г. Строганов предложил П. И. Бартеву напечатать письмо, которое В. С. Печерин отправил ему в 1837 году из Брюсселя в ответ на предложение вернуться в Россию. П. И. Бартев, получив согласие Ф. В. Чижова и самого В. С. Печерина, поместил это письмо в «Русском Архиве» за 1870 год.

Однако тот же С. Г. Строганов в середине ноября 1870-го посоветовал П. И. Бартеву воздерживаться от дальнейшей публикации «политических мнений несчастного эмигранта», не изменившего своих взглядов «на строй нашего общества». Он предложил отложить публикацию мемуаров В. С. Печерина до того момента, пока работа над ними не будет завершена⁹². П. И. Бартев, человек осторожный и умеренный во взглядах, видимо, последовал совету многоопытного администратора: по крайней мере, отрывок из письма В. С. Печерина за 1871 год был последним материалом, появившимся на страницах «Русского Архива».

В это же время независимо от С. Г. Строганова к выводу о нецелесообразности печатать воспоминания В. С. Печерина по частям пришел и Ф. В. Чижов. Но если С. Г. Строганову полная рукопись мемуаров В. С. Печерина была нужна для того, чтобы решить вопрос о *возможности* их публикации, то Ф. В. Чижова беспокоило другое. Он полагал, что, помещенные в разных журналах и в разное время, они *не произведут должного впечатления* на читателей, особенно на молодое поколение. Кроме того, у Ф. В. Чижова было и другое соображение — познакомить русскую публику начала 1870-х годов с малоизвестной ей Россией 1830-х, а заодно и уяснить, «насколько время подвинуло нас».

Мысль собрать мемуарные отрывки воедино, в некое законченное произведение, впервые была высказана Ф. В. Чижовым в письме В. С. Печерину от 1 ноября 1870 года, а через две недели он прямо заявил ему, что намерен составить из писем книгу и напечатать ее отдельным изданием. В связи с этим Ф. В. Чижов с еще большей

настойчивостью стал требовать от В. С. Печерина продолжения работы над воспоминаниями.

В. С. Печерин с нескрываемой радостью воспринял известие о публикации материалов в «Русском Архиве». «Я едва успеваю пересылать Чижову листки моих записок, — сообщил он С. Ф. Пояркову в октябре 1871 года, — на них, кажется, большой запрос в Москве»⁹³. С этого времени В. С. Печерин, уверовавший, что ему уже «открылся путь в печать»⁹⁴, все надежды на последующую публикацию своих мемуаров стал связывать исключительно с Ф. В. Чижовым, избрав его основным адресатом.

Одновременно он попросил племянника переслать Ф. В. Чижову имевшиеся в его распоряжении отрывки⁹⁵, и С. Ф. Поярков вопреки своему желанию исполняет эту просьбу⁹⁶ — с этого момента Ф. В. Чижов становится владельцем всех без исключения мемуарных отрывков, вышедших к тому сроку из-под пера В. С. Печерина.

Восхищенный сочинениями друга, Ф. В. Чижов знакомит с ними своих московских приятелей, а в феврале 1871-го намеревается устроить их чтение в одном небольшом — «человек из 15» — кружке, что, вероятно, и было осуществлено. Все эти обстоятельства, несомненно, придавали В. С. Печерину силы, стимулировали его работу над воспоминаниями. В начале 1872 года он предоставил Ф. В. Чижову право полностью распоряжаться печатанием своих мемуаров. «В руци твои предаю дух мой, — писал он. — Ты знаешь, что эти записки — мое единственное достояние, единственная память, что останется по мне в России»⁹⁷.

Однако цензурный контроль в России усиливался, и Ф. В. Чижов сталкивался с большими сложностями. «Письма твои все собираю, — писал он В. С. Печерину 12 января 1872 года, — но не печатаю и не скоро буду печатать как потому, что не хочу давать их отрывками, так еще более потому, что теперь цензура стала очень строга к тому, что предварительно проходит сквозь ее железные когти»⁹⁸. Публикация же материалов В. С. Печерина в виде книги объемом более 10 печатных листов давала Ф. В. Чижову возможность избежать предварительной цензуры. В апреле 1872 года С. Ф. Поярков со слов Ф. В. Чижова сообщил В. С. Печерину, что «в этом году едва ли удастся вообще что-либо напечатать»⁹⁹. Известие буквально ошеломило В. С. Печерина, и он пишет Ф. В. Чижову взволнованное письмо, полное горечи, сарказма, ядовитых замечаний по адресу русской цензуры. В этом же письме он предлагал Ф. В. Чижову «средство ускользнуть от цензуры» — напечатать записки в небольшом числе экземпляров за границей, в Женеве, в русской типографии, оставшейся после смерти А. И. Герцена и П. В. Долгорукова¹⁰⁰. Ф. В. Чижов, отклонив последнее предложение, пытался утешить друга, уверяя его, что в записках нет ни одной строки, которая могла бы подвергнуться запрещению. Ему удалось успокоить В. С. Печерина, и в октябре 1872-го тот вновь стал интересоваться возможностями напечатать отрывки своих сочинений в каком-нибудь популярном и читаемом журнале. В свою очередь Ф. В. Чижов просил его не торопить события.

1873 год не принес существенных изменений: публикация откладывалась на неопределенный срок, разочарованный В. С. Печерин все меньше внимания уделял работе над мемуарами, Ф. В. Чижов же продолжал настаивать на ее продолжении.

В 1874 году он предпринял новые усилия напечатать заметки В. С. Печерина. В апреле, случайно столкнувшись с генералом М. Г. Черняевым, издававшим в тот год газету «Русский мир», Ф. В. Чижов внезапно подумал о том, что именно такой человек, как М. Г. Черняев, мог бы оказать ему помощь. «В ней-то, в газете аван-

тюриста, и хочу я поместить, а может быть, начать помещать письма авантюриста, моего друга задушевного Печерина»¹⁰¹, — делился он с ним своими мыслями.

Однако в мае 1874 года намерения Ф. В. Чижова круто переменялись. Отныне надежды свои он возложил на М. М. Стасюлевича, редактора «Вестника Европы», который, заинтересовавшись биографическими материалами В. С. Печерина, пообещал опубликовать их по 100 р. за печатный лист. Этот план Ф. В. Чижов подробно изложил В. С. Печерину в письме от 18 мая, а уже в начале июня получил от В. С. Печерина подряд несколько писем с настойчивой просьбой не печатать «ни одной строки, ни одного слова, ни малейшего намека против католичества», так как он «вовсе не расположен подвергать себя каким бы то ни было бурям». Он просил, чтобы Ф. В. Чижов при публикации ограничился лишь теми отрывками, в которых речь шла о ранних периодах его жизни, а остальные сохранил бы для посмертного издания. Более того, желая обезопасить себя, он предлагал Ф. В. Чижову печатать воспоминания под своим старым литературным псевдонимом «доктор Фуссгангер» (в буквальном переводе с немецкого «пешеход», здесь в значении «путник»). «Но даже и под прикрытием псевдонима ничего антикатолического печатать нельзя»¹⁰², — предостерегал он. Ф. В. Чижов, пытаясь успокоить испуганного В. С. Печерина, заверил его, что будет осторожен и благоразумен.

Наступила осень 1874 года, а Ф. В. Чижов обещания не сдержал: болезнь подтачивала его силы, да и предпринимательская деятельность отнимала все свободное время. Работа над подготовкой мемуаров В. С. Печерина к печати затягивалась. Только осенью следующего 1875 года Ф. В. Чижов смог сообщить В. С. Печерину приятную весть о том, что наконец-то подготовил и передал М. М. Стасюлевичу часть мемуаров с предисловием, озаглавленную «Отрывки из автобиографии доктора Фуссгангера». Во вступлении Ф. В. Чижов, стремясь обрисовать личность своего героя, поместил выдержки из его писем к нему, в том числе первую половину интереснейшего мемуарного отрывка «Лугано и как я туда попал», чтобы словами самого В. С. Печерина ярко и убедительно передать причины, побудившие того покинуть Россию. В результате отрывок оказался расчлененным: начало попало в предисловие, а окончание под названием «Несколько дней до пребывания в Цюрихе» сохранилось в самом тексте. Всего Ф. В. Чижов передал М. М. Стасюлевичу десять отрывков, расположив их в следующей последовательности согласно хронологии поступления: «Бегство из Цюриха», «Путешествие в Мец и следующие затем события», «Несколько дней до пребывания в Цюрихе», «Путешествие из Меца в Льеж», «Льеж (Liège)», «Апостол коммунизма и Conspiration de Baboeuf», «Сказание о капитане Файоте и его камердинере», «Макналли и К°», «Перелом», «Из рук вон!». Выбор именно этих отрывков был обусловлен, вероятно, намерением Ф. В. Чижова познакомить русского читателя с менее всего известным периодом жизни В. С. Печерина — его скитаниями после бегства из России. Время написания отрывков — 1870 и 1871 годы. Повсюду в тексте имя В. С. Печерина Ф. В. Чижов заменил псевдонимом «доктор Фуссгангер».

В декабре 1875 года Ф. В. Чижов уведомил В. С. Печерина, видимо, со слов М. М. Стасюлевича, что подготовленные им материалы будут напечатаны в февральской книжке «Вестника Европы». Однако прошел 1876-й, на исходе был 1877-й, а публикация на страницах журнала не появлялась. В сентябре 1877-го Ф. В. Чижов просил М. М. Стасюлевича вернуть ему воспоминания В. С. Печерина. М. М. Стасюлевич замешкался (вполне возможно, что и сознательно), рукописи не

отослал, а два месяца спустя, 14 ноября, Ф. В. Чижов умер. Так рукопись и осталась в архиве редакции «Вестника Европы», где пролежала до 1911 года — года смерти М. М. Стасюлевича.

Узнав о кончине Ф. В. Чиждова, В. С. Печерин озаботился судьбой своих записок. Он обратился к единственному человеку, с которым к тому времени сохранил отношения и даже находился с 1875 года в переписке — Владимиру Михайловичу Михайлову, приятелю по университету. Полагая, что душеприказчиком покойного мог быть Г. П. Галаган, близкий друг Ф. В. Чиждова, он просил В. М. Михайлова связаться с ним. Однако предпринятые В. М. Михайловым усилия результата не принесли. На это ушли весь 1878 и начало 1879 годов. Весной 1879-го (предположительно в марте) В. М. Михайлову случайно стало известно, что Ф. В. Чижов назначил своим душеприказчиком Савву Ивановича Мамонтова. Он незамедлительно написал ему письмо, пытался связаться с ним через других людей, но безрезультатно. Возможно, письма не дошли ни до Г. П. Галагана, ни до С. И. Мамонтова; возможно, они не сочли нужным на них отвечать. Как бы то ни было, важно другое — В. С. Печерин вовсе не собирався требовать от наследников Ф. В. Чиждова возвращения своих писем. Он хотел лишь довести до их сведения свое согласие на публикацию записок в России в «Русском Архиве» П. И. Бартенева¹⁰³.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что интенсивная работа В. С. Печерина над мемуарами находится в прямой зависимости от попыток С. Ф. Пояркова и Ф. В. Чиждова опубликовать их. Подтверждением этому служит следующее: в 1865 году В. С. Печерин написал 3 отрывка, в 1866 — 1, в 1867 — 2, в 1868 — ни одного, в 1869 — 1, в 1870 — 6, в 1871 — 10, в 1872 — 11, в 1873 — 6, в 1874 — 4. Итого за десять лет им было подготовлено 44 отрывка, из них 7 адресовано С. Ф. Пояркову, 37 — Ф. В. Чиждову. Первый пик творческой активности В. С. Печерина относится к 1865–1867 годам (6 отрывков), ко времени предпринятых С. Ф. Поярковым попыток напечатать воспоминания в московских и петербургских изданиях; второй — к 1870–1872-м (27 отрывков), когда инициатива в этом вопросе перешла в руки Ф. В. Чиждова. Публикации 1870–1871 годов в «Русском Архиве» стимулировали деятельность В. С. Печерина, и 1872 год оказался наиболее плодотворным. Впоследствии же, убедившись в беспочвенности своих надежд увидеть мемуары напечатанными в России, он прекратил работу над ними, и никакие последующие уговоры Ф. В. Чиждова не возымели действия. Последний мемуарный отрывок датирован 27 июня 1874 года. Работа, начатая с таким энтузиазмом и увлечением, оборвалась.

Значимость этого фактора лишний раз подтверждает письмо В. С. Печерина Ф. В. Чиждову, отправленное в ноябре 1875 года, в котором он прямо заявил, что в том случае, если какие-либо отрывки его воспоминаний будут напечатаны, то это «послужит... поощрением для продолжения оных же записок»¹⁰⁴. Однако жизнь распорядилась иначе. Несмотря на то, что В. С. Печерин серьезно относился к своей работе и придавал ей большое значение, труд его остался незавершенным.

В 1911 году М. К. Лемке, разбирая архив «Вестника Европы», обнаружил мемуарные отрывки В. С. Печерина с предисловием Ф. В. Чиждова и передал свою находку М. О. Гершензону, который вначале напечатал о ней в «Русских ведомостях» (1911, № 87) статью под названием «Автобиография В. С. Печерина», а впоследствии — в 1915 году — опубликовал и саму рукопись в «Русских пропилеях», не внося в нее никаких редакционных изменений, но предпослав ей небольшое вступление.

Однако основной корпус печеринских материалов долгое время не был известен исследователям, так как архив Ф. В. Чижова, согласно его завещанию, был душеприказчиком С. И. Мамонтовым передан в отдел рукописей Румянцевского музея с условием, что останется закрытым для обработки и научного использования в течение 40 лет. Когда в ноябре 1917-го этот срок истек, дочь С. Ф. Пояркова — Александра Саввишна, проживавшая в Петрограде, — обратилась к заведующему отделом рукописей музея Григорию Петровичу Георгиевскому с просьбой вернуть ей бумаги В. С. Печерина, переданные некогда ее отцом Ф. В. Чижову во временное пользование. «Вы, конечно, поймете, как глубоко всех нас интересует этот вопрос, — писала она. — ...В данном случае желание моего отца было, чтобы эти бумаги остались в его семье. Чижову они были посланы для прочтения с просьбой возвратить их, но Чижов не вернул их. Если бумаги, пожертвованные музею, не подлежат отчуждению, то, быть может, мы имеем право взять их для прочтения и первые напечатать их...»¹⁰⁵. «Воля моего отца всегда была, — настаивала она в следующем письме, — чтобы все письма В. С. Печерина и биография его были достоянием его семьи, семьи Поярковых...»¹⁰⁶. Ответ Г. П. Георгиевского не сохранился, но вряд ли он мог быть положительным.

Прошло еще несколько лет, прежде чем в начале 1920-х годов доступ к фонду Ф. В. Чижова получил М. О. Гершензон. Он снял с записок В. С. Печерина копии, намереваясь, очевидно, опубликовать их, но вскоре — в 1925 году — скончался. Работа по подготовке бумаг В. С. Печерина к публикации вновь приостановилась.

Первое издание мемуаров В. С. Печерина под названием «Замогильные записки» появилось только в 1932 году. Основой его послужили материалы, подготовленные М. О. Гершензоном. Только этим можно объяснить тот факт, что составителем книги указан именно он. Издание было осуществлено Николаем Михайловичем Мендельсоном, литературоведом и сотрудником (по 1 августа 1931 года) отдела рукописей государственной библиотеки им. В. И. Ленина, под редакцией и со вступительной статьей Льва Борисовича Каменева. При всей своей научной значимости данная публикация страдала рядом недостатков: по неизвестным причинам некоторые мемуарные отрывки отсутствуют; иные приведены со значительными купюрами; другим, не имевшим авторских заголовков, произвольно присвоены названия; в отдельных случаях без каких-либо объяснений применен метод монтажа и т. д.

В 1989 году «Замогильные записки», исправленные и дополненные, снабженные авторской вступительной статьей и комментариями, были переизданы П. Г. Гореловым в трех номерах журнала «Наше наследие» под названием «Оправдание моей жизни. Памятные записки». Здесь впервые были опубликованы главы: «1840-й год», «В 1845–1848 в Фальмуте» (окончание), «Adieu Falmouth! Май 1848» и «Три женщины»; конец главы «Легенда о монахе и бесе»; начало главы «Фальмут 1845–1848»; восстановлены произвольно купированные места текста «Замогильных записок» 1932 года; перестроена в соответствии с рукописями композиционная структура работы и текст следующих записей: «1815. Одесса в казармах» и «Мать и отец» (этого заглавия в рукописи нет); «1823–1825», «Мой роман»; «Лугано и как я туда попал»; «Ругамптон. 1851»; восстановлены заголовки ряда мемуарных отрывков.

В том же году независимо от публикации П. Г. Горелова в сборнике «Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников» последовало новое издание мемуаров. Тексты были подготовлены мною по архивным материалам, все обнаруженные разночтения с публикацией 1932 года исправлены

в соответствии с подлинниками. Отрывки (как и стихотворения) размещены по хронологии описываемых в них событий, напечатаны полностью, а четыре из них впервые — «1840-й год», «В 1845–48 в Фальмуте» (окончание), «Adieu Falmouth!», «Три женщины». Тексты двух отрывков были дополнены: в «Легенде о монахе и бесе» впервые приведено окончание, в «Фальмуте. 1845–1848 (1-е окончание)» — начало. Отрывок «Лугано и как я туда попал» помещен в своем первоначальном виде. Также впервые были напечатаны выдержки из писем, объясняющие мотивы написания некоторых отрывков, например, «Легенды о монахе и бесе», «1840-й год» и др.; выдержки из писем от 21 октября 1865-го, 10 ноября 1871-го, 26 августа 1873-го, 6 декабря 1874-го, 7 ноября 1875 годов, содержащие сведения мемуарного характера; два письма В. С. Печерина генералу ордена редемптористов; письмо В. С. Печерина С. Г. Строганову от 23 марта 1837 года, в котором он подробно раскрывает обстоятельства, побудившие его покинуть Россию. Восстановлены авторские названия отрывков «Лугано и как я туда попал», «Фальмут. 1845–1848 (1-е окончание)», а вымышленные заголовки — «Мать и отец», «Несколько дней до пребывания в Цюрихе», «Первая проповедь», «Римский папа и русский генерал фон Берг» — устранены. Отрывки, не имеющие заголовков, обозначены в прямых скобках местом и временем, к которому относится действие, в них описываемое, например, [1815. Одесса в казармах (окончание)]; [Цюрих. 1837–1838]; [Виттем. 1841–1843] и т. д.

Воспоминания В. С. Печерина не имеют авторского названия. Первые попытки озаглавить их относятся к 1870 году. «Мне очень бы хотелось из твоих писем составить и напечатать после книжку Похождения странствующего рыцаря печального ордена Владимира Сергеевича Печерина. Ее будут читать с наслаждением»¹⁰⁷, — писал Ф. В. Чижов в середине ноября. Однако, получив материалы от С. Ф. Пояркова, он тогда же предложил новое название — «Мой роман», используя заголовок одного из мемуарных отрывков¹⁰⁸. В июне 1874-го В. С. Печерин советовал Ф. В. Чижову воспользоваться литературным псевдонимом, под которым его воспоминания о путешествии по Швейцарии были помещены в «Московском наблюдателе» за 1835 год, и назвать записки «Приключения доктора Фуссангера»¹⁰⁹. Ф. В. Чижов, готовя в 1875 году материалы для «Вестника Европы», дал им несколько иной заголовок — «Отрывки из автобиографии доктора Фуссангера». Под этим заголовком они и появились в 1915-м в «Русских пропилеях». Наименование «Замогильные записки» восходит, по-видимому, к названию посмертных записок Шатобриана, вышедших в 1848–1850 годах. В. С. Печерин, вложив в него совершенно иной смысл, озаглавил так один из своих мемуарных отрывков, а в 1932 году издатели распространили этот заголовок на все мемуары В. С. Печерина в целом.

Сам В. С. Печерин оценивал свои мемуары как «духовное завещание», «*Apologia pro vita mea*» — моя защита перед Россией, особенно перед новым поколением». Именно поэтому я счел возможным дать мемуарам В. С. Печерина в издании 1989 года название — «Замогильные записки (*Apologia pro vita mea*)», соединив тем самым обе традиции: одну, восходящую к самому В. С. Печерину, и другую, идущую от публикаторов 1932 года.

* * *

Занимаясь изучением личности В. С. Печерина и одновременно подготовкой его мемуаров к изданию, просматривая с этой целью различные архивные фонды и

материалы книгохранилищ, знакомясь с документами той эпохи, приходишь к неожиданным наблюдениям и выводам.

В первую очередь становится очевидным, что главный объем дошедшего до нас творческого наследия В. С. Печерина составляют вовсе не мемуарные отрывки, а **письма**, которые оказались незаслуженно обойденными вниманием. Незаслуженно потому, что именно они куда как в большей степени, нежели мемуарные отрывки раскрывают саму субстанцию личности, ее физический и духовный мир, ее истинность и масштабность. Феномен В. С. Печерина не существует вне его переписки. Однако в отличие от мемуарных отрывков она никогда не публиковалась.

Сразу же следует подчеркнуть, что письма и мемуары В. С. Печерина ни в коем случае нельзя противопоставлять или рассматривать в отрыве друг от друга. Оба компонента, несомненно, составляют единое целое, точнее — его разные грани, и потому дополняют и расширяют представления о самом предмете. И вместе с тем между ними есть существенные различия, главное из которых состоит в том, что в одном случае (в мемуарных отрывках) мы имеем дело с **образом** В. С. Печерина, созданным им самим, а в другом (в письмах) — с **реальным человеком**.

При всей их несомненной значимости мемуарные отрывки следует отнести скорее к литературному, нежели эпистолярному жанру, ибо писаны они были специально для публикации, для потомков, для «вечности». Они создавались В. С. Печериным с целью не только познакомить русского читателя с опытом его жизни, сколько с намерением превратить этот опыт в своеобразное наставление и предостережение молодому поколению. Их адресатом была именно молодежь, «молодая Россия», и обращены они были в будущее. В. С. Печерин превращает историю своей жизни в объект исследования; он как в химической или физической лаборатории препарирует факты своей биографии, выискивая в них некое поучительное начало. В силу этого мемуарным запискам (пусть даже вопреки его воле и намерениям) присущ легкий, но все-таки ощутимый дидактический налет, хотя они и выдержаны в искренних интонациях, в традициях «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо. Конечно, вся внешняя канва жизни изложена им вполне достоверно, что подтверждается многими документами. Обладая хорошей памятью, В. С. Печерин точен в воссоздании конкретных обстоятельств, редко ошибается или что-то путает. И, тем не менее, невольно в духе самого В. С. Печерина напрашивается сравнение с театром, где на фоне вполне объективных и реальных событий-декораций действуют как бы настоящие, но на самом-то деле придуманные неким творцом персонажи. В. С. Печерин выступает в данном случае и творцом, и персонажем. Мемуарные отрывки суть литературное воззрение В. С. Печерина на самого себя.

Иное дело — письма.

В них ничто не сковывает В. С. Печерина, в них он полностью раскрепощен, не стеснен никакими (ни внутренними, ни внешними) привходящими силами, свободен в выражении своих чувств, симпатий и антипатий, пристрастий и увлечений, любви и ненависти, открыт к дискуссии, обсуждению самых разных сторон и проблем бытия. Ему не нужно ни к кому и ни к чему приспособливаться, считаться с чужой волей, скрывать или стесняться собственных эмоций, оценок, суждений, мыслей. В них отсутствуют заданность, продуманность, свойственные мемуарным отрывкам. В них он предстает самим собой, коим он и был в действительности — **живым** человеком со свойственными ему достоинствами и недостатками, перепадами настроения, сомнениями, откровениями, порывами души. В них он **сиюминутен** и потому **искренен**.

Письма, являющиеся по сути одной их форм публицистики, донесли до нас непосредственный отзыв В. С. Печерина на волновавшие его и его корреспондентов события, касались ли они политических, социальных, культурных, конфессиональных или иных проблем. В письмах поднят и обсужден широкий круг вопросов, которых нет и быть не могло в мемуарных отрывках, что позволяет составить исчерпывающее представление о разносторонности интересов, степени вовлеченности во внешний мир, кругозоре, философских, эстетических, моральных и прочих воззрениях В. С. Печерина. Письма демонстрируют его искренний интерес к происходившим в мире процессам. Он пристально следил за внешними делами, уделял много внимания итальянским событиям, Мексиканской экспедиции, франко-прусской войне и последовавшей за ней революции во Франции, движению фениев в Ирландии, восточному кризису 1875–1878 годов. Письма наполнены суждениями о деятельности самых разных политических деятелей прошлого и настоящего времени — Наполеона III, Гизо, Тьера, Мак-Магона, Линкольна и Вашингтона, Дизраэли, Дерби, Бисмарка, Педро II и иных. В письмах В. С. Печерин раскрывается как хороший знаток Библии и священных текстов (что естественно после стольких лет пребывания в монастыре и конгрегации!), как большой любитель светской культуры, главным образом музыки и литературы. Он восхищается итальянской оперой, огорчается, что не может из-за своего сана посещать спектакли гастролировавших в Дублине европейских знаменитостей, оживленно обсуждает со своими адресатами проблемы литературного свойства, демонстрируя прекрасное знание не только хорошо известных и любимых с юности древних греческих и римских классиков (Гомера, Аристотеля, Вергилия, Ксенофонта, Пиндара, Сократа, Лукиана, Плутарха и прочих), но и европейских авторов. Письма перенасыщены именами Данте, Тассо, Ариосто, Шекспира, Шиллера, Мольера, Гёте, Гейне, Вольтера и Руссо, Шатобриана, Беранже, Байрона, Камюэнса, Коллинза, Диккенса и других, а также цитатами из их сочинений. К сожалению (и об этом опять же свидетельствуют только письма), он хуже знает русскую литературу. Вернее, ему были известны (да и то выборочно) писатели XVIII и первой трети XIX веков — Державин, Сумароков, Херасков, Крылов, Озеров, Пушкин, Жуковский, Грибоедов, Бенедиктов. Однако с Гоголем, Лермонтовым, Тургеневым, Кольцовым, Мельниковым-Печерским, Писемским, Салтыковым-Щедринным, Лесковым, Львом Толстым, русскими сказками в собраниях Афанасьева, Рыбникова, Худякова он познакомился благодаря Ф. В. Чижову уже в 60–70-х годах. Только в письмах содержатся многочисленные подробности о его повседневном времяпрепровождении, его увлечениях филологией, философией и естественными науками. В. С. Печерин штудировал труды Лейбница и Гумбольдта, Канта и Шеллинга, Фейербаха и Бюхнера, Маколея и Бокля, Ренана и Штрауса, Пальмера и Монира, Гарди и Гауга, Мюира и Сент-Илера, Галя, Моммзена; собрал богатую коллекцию грамматик, хрестоматий и словарей санскритского, персидского, арабского, древнееврейского и других восточных языков, коими увлеченно занимался в Дублине; ставил на дому различные химические и физические опыты, покупая для этого (не без материальной помощи Ф. В. Чижова) препараты и приборы.

Удивительно, но в письмах В. С. Печерин ничего не рассказывает о своей, казалось бы, основной сфере деятельности — о работе со страждущими в больнице Дублина, где он был капелланом. Не интересуют его и вопросы веры. Об этом он упоминает вскользь, проходя, мимоходом. Главным для себя он считает иное — книги, опыты, посещение ботанического сада и, конечно же, переписку с друзьями.

Но центральное место в письмах занимает русская тематика — они заполнены Россией и делами ее внутреннего преобразования. В. С. Печерина интересуется буквально все, что происходит в стране. С племянником он обсуждает земскую и судебную реформы, с Ф. В. Чижевым — перемены в экономике, будь то банковское дело, торговля или железнодорожное строительство, а с ними и еще с А. В. Никитенко — литературные новости, преимущества реального образования перед классическим, поведение русских нигилистов, судебные процессы над дворянами-фальшивомонетчиками, Струсбергом, игуменьей Митрофанией. Он спорит с Ф. В. Чижевым о путях преобразования страны, критикует и иронизирует над его славянофильскими привязанностями и рассуждениями, проявляя себя приверженцем европейского образа жизни, либеральных свобод, английского парламентаризма. Он восхищается Россией, пророчит ей великое будущее, славу, всемирное величие. Он завидует Ф. В. Чижову — «Хорошо тебе, — писал он ему, — ты живешь одною нераздельною жизнью, т.е. русскою жизнью. А у меня необходимо две жизни: одна здесь, а другая в России. От России я никак отделаться не могу. Я принадлежу ей самой сущностью моего бытия, я принадлежу ей моим человеческим значением. Вот уже 30 лет, как я здесь обжился, а все-таки я здесь чужой. Мой дух, мои мечты витают не здесь, по крайней мере, не в той среде, к которой я прикован железною цепью роковой необходимости. Я нимало не забочусь о том, будет ли кто-нибудь помнить меня *здесь*, когда я умру; но Россия — другое дело. Ах, как бы мне хотелось, как бы мне хотелось оставить по себе хоть какую-нибудь память на земле русской! Хоть одну печатную страницу, заявляющую о существовании некоего Владимира Сергеева Печерина. Эта печатная страница была бы надгробным камнем, гласящим: *здесь лежит ум и сердце В. Печерина.*

Ты оставишь по себе памятник — железные дороги и беломорское плавание; а мне нечего завещать, кроме мечтаний, дум и слов»¹¹⁰.

Один из важнейших результатов переписки В. С. Печерина состоит в том, что именно в ней ему удалось вплотную подойти к пониманию вопроса, столь волновавшего Ф. В. Чижова — о мотивах перехода в католичество и — шире — о причинах его духовных кризисов. Только здесь содержится подробный рассказ о той эволюции духа, которую он пережил на протяжении своей жизни.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что главными корреспондентами В. С. Печерина являлись живущие в России С. Ф. Поярков, А. В. Никитенко и особенно Ф. В. Чижев. С европейскими адресатами он практически не общался. Например, связи с русскими католиками — Гагариным, Мартыновым и другими — всегда ограничивались редкими посланиями, а в 60–70-е годы они и вовсе прекратились. Кроме того, с самым близким дублинским собеседником — Аткинсоном — его связывает в первую очередь проявленный Аткинсоном интерес к русскому языку и литературе.

Переписка с Россией превратилась для В. С. Печерина в жизненную потребность, необходимость; без нее он не мыслил своего существования; она являлась той нитью, которая, по его же признанию, связывала его с жизнью, определяла смысл бытия. Россия стала для него альфой и омегой, началом и концом сущего. В действительности В. С. Печерин возвращался в Россию, на родину, не в своих мемуарных отрывках, как искренне полагали он сам, Ф. В. Чижев и позднейшие исследователи, а в своих письмах.

Благодаря переписке выяснилось также, что до сих пор отсутствует его полная биография. Нам известна по «Замогильным запискам» в лучшем случае часть его

жизни, первые 35–40 лет, тогда как о последующих почти 40 годах мы не имеем практически никакого представления.

Сама фигура В. С. Печерина — его внутренняя жизнь, истоки и смысл духовных исканий и метаний, мотивировка поступков, круг интересов и деятельности, мир мыслей и чувств, наконец, масштаб личности — предстала благодаря его корреспонденции в совершенно ином свете. Прежнее, идущее от А. И. Герцена и М. О. Гершензона, восприятие его как героического бунтаря, желавшего переделать мир и осчастливить человечество, сознательно посвятившего себя этой цели и погибшего в неравной борьбе, сменилось иным. Пришло понимание того, что он не героико-романтический, а трагический персонаж русской истории, несостоявшийся, потерявшийся и потому мятущийся человек, так и не сумевший найти себя, свое призвание, свою дорогу в жизни, свой дом, счастье, фортуна. Не он стал творцом собственной судьбы, а некая безликая сила, которая вела его от одной катастрофы к другой. Он никогда не был идейным противником какого-либо общественного порядка, он просто в этом порядке не мог существовать, причем неважно в каком именно — в николаевской ли России, в революционной среде или церковной конгрегации. Любой социум, в каком бы он не находился, становился ему в конечном счете чуждым. Его мятеж не был осознанным актом, исходил не от ума или идеи, а от внезапно вспыхнувшего чувства острой неудовлетворенности самим собой и всей окружавшей действительностью, хотя причины и природа этого ощущения так и остались ему неясными. В результате он оказался вне общественной жизни и всех дискуссий о путях и перспективах развития России, потрясавших страну на протяжении XIX века. Но, находясь вне этих дискуссий и даже отечества, он, тем не менее, являлся частью, хотя бы периферийной, общего процесса становления русского общественного сознания. Другое дело, что он не оказал на этот процесс никакого воздействия и потому вопреки собственному желанию не оставил по себе никакой памяти на родине, если не считать узкого круга специалистов. Он сам развенчал свой образ, представ в письмах лишним человеком, тем, кто многое может, но не делает ничего, кто живет не общественной жизнью, а собственными внутренними рефлексиями.

Письма В. С. Печерина содержат уникальную информацию о тогдашнем состоянии русского общественного сознания. XIX век породил в России плеяду выдающихся государственных и общественных деятелей: императоры Александр I и Николай I, Н. М. Карамзин и М. М. Сперанский, П. И. Пестель и Н. М. Муравьев, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин, К. С. Аксаков и И. В. Киреевский, А. С. Хомяков и Ю. Ф. Самарин, С. С. Уваров, П. Я. Чаадаев, М. А. Бакунин и многие другие. Внимание историков вполне обоснованно было обращено на изучение именно их воззрений и поступков. Но таких лидеров во все времена было немного, они всегда являлись малой частью общества, состоящего преимущественно из иных людей, не столь талантливых и даровитых, не столь образованных и убежденных, не оставивших после себя заметного следа, занятых повседневными заботами, колеблющихся и сомневающих. Но именно здесь, в этих глубинных слоях, к которым принадлежал и В. С. Печерин, шла огромная внутренняя работа, формировались различные идейные пристрастия, антипатии, мнения, позиции. Последствия этой деятельности далеко не всегда оказывались позитивными и результативными, что прекрасно продемонстрировала русская художественная литература, создав впечатляющую галерею «лишних» людей — Чацкий, Онегин,

Печорин, Бельтов, Рудин, Лаврецкий, Обломов, в каждом из которых присутствует какая-то частичка живого, не выдуманного В. С. Печерина. Каким же грандиозным было само это явление, если один человек вобрал практически все основные черты, коими наделили своих героев Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Герцен, Тургенев, Гончаров! Кстати, первым сравнил В. С. Печерина с Обломовым Ф. В. Чижов в письме от 1 февраля 1871 года. «Ты, я полагаю, — писал он другу в Дублин, — вовсе не знаком с нашими позднейшими писателями повестей и романов: Григоровичем..., Гончаровым, написавшим два романа: “Обломов”, очень замечательный роман, так что с его легкой руки высшая степень лени зовется у нас “обломовщиной”, так что я даже думаю увеличить твою фамилию и называть тебя Печерин-Обломов...»¹¹¹. Конечно, Ф. В. Чижов имел в виду совершенно другое, В. С. Печерин не был для него лишним человеком, но само сравнение представляется символичным. Все они не нашли себе места и применения на родине, даже если и не покидали ее. Каждый из них не знал, что делать с самим собою. То, что удалось литераторам, никак не удавалось историкам, поскольку процессы, протекавшие в этих слоях общества, в обывательской среде, крайне плохо поддаются научному анализу в силу аморфности и неустойчивости самой среды, но не в последнюю очередь и по причине весьма скудной источниковой основы. Эпистолярное наследие В. С. Печерина позволяет восполнить эту лауну. Во-первых, потому, что представляет собою обширный комплекс, уникальный по своей полноте и репрезентативности. Во-вторых, потому, что содержит «обыкновенную историю». Обладая огромными природными задатками, В. С. Печерин не сумел их реализовать, попросту растратил их, ничего не сделав и не создав. Судьба В. С. Печерина, как бы ни были индивидуальны обстоятельства его жизни, это судьба многих его современников. Ценность его корреспонденции — не в ее исключительности, а в ее **ординарности, обыденности, типичности**. В ней «...отразился век, и современный человек изображен довольно верно...», причем человек самый обыкновенный, во всей своей повседневности, суетности, малозначительности поступков, противоречивости чувств, мечтаний и желаний, «...с его озлобленным умом, кипящим в действии пустом». Жизнь В. С. Печерина, как ее описал он сам, добровольно, без принуждения — это жизнь лишнего человека, но не литературного героя, а исторической личности.

В процессе чтения писем пришло, наконец, понимание того, что образ В. С. Печерина, созданный учеными и публицистами на основе весьма ограниченного круга источников, преимущественно мемуарных отрывков, не соответствует реальному прототипу, что ему без достаточных оснований приписаны те черты и качества, которыми он не обладал, придано то значение, которого не имел, то место, которого не занимал, иначе, он представлен тем, кем, в сущности, никогда не был¹¹². А. И. Герцен называл его жертвой николаевского режима; Л. Б. Каменев — «первым русским политическим эмигрантом XIX века, сознательно и обдуманно вступившим на этот путь»; С. Л. Франк — «одним из первых русских интеллигентов»; А. Корнеев — «человеком деятельным и волевым», предвосхитившим «судьбу А. И. Герцена»; В. Г. Шукин создателем — «оригинальной романтической модели русского мифа о Западе»; и все — большим ученым, замечательным педагогом, мыслителем, филологом, поэтом. В действительности, как свидетельствуют его же письма, он не был ни тем, ни другим, ни третьим, т. е. **никем**. Он не предложил ни одной оригинальной идеи, ни одной интересной мысли, не защитил диссертации, не получил профессорства. Одаренный от природы, он мог бы стать крупным лингвистом, создать нужные

для того времени филологические труды, двинуть вперед русскую науку, стать публичным и любимым студентами лектором, как многие из его сверстников или соучеников по Профессорскому институту — Н. И. Пирогов, Н. И. Крылов, М. С. Куторга, А. И. Чивилев, П. Г. Редкин, К. А. Неволин, Ф. И. Иноземцев, Т. Н. Грановский и прочие, но не захотел, вернее, не смог, потому что, не обладая силой воли и характера, не будучи человеком действия, поступка, не был готов к кропотливой, изнурительной повседневной работе. («У русских бездна честолюбия, — признавал он в одном из мемуарных отрывков, — но это честолюбие не любит трудиться и терпеливо достигать цели: нам все хочется подцепить славу как-нибудь мимоходом при первом благоприятном случае...»¹¹³). Мысли его, которые он высказывает в своих письмах друзьям, весьма поверхностны, неглубоки, его рассуждения о Л. Н. Толстом, И. С. Тургеневе, Н. В. Гоголе или М. Ю. Лермонтове, как и вообще о русской литературе XIX в., зачастую смехотворны, во всяком случае, не выдают в нем знатока, истинного ценителя, интеллектуала. И это притом, что его письма и мемуары написаны хорошим стилем, ярко, образно и представляют собою интереснейший документ эпохи, талантливое публицистическое произведение. Но как поэт он слаб, вторичен, неглубок и вовсе «не был поэтом в точном значении этого слова»¹¹⁴. Рассуждения политического свойства не отличаются своеобразием. Его нельзя назвать даже *типичным представителем русского католицизма*, ибо и здесь он стоит особняком¹¹⁵. Разочаровавшись в ордене, покинув конгрегацию, став капелланом при дублинской больнице, он занят не столько филантропической деятельностью, которую выполняет скорее как служебную функцию, сколько своими внутренними проблемами. Не зная, что делать с собою, с собственными мыслями, он придумывает себе занятия. В то же время он откровенно циничен: исполняет обеты и обряды той церкви, о которой сам столь резко отзывается; не порывает с нею лишь потому, что у него нет иного источника дохода. И свою беспринципность даже не считает нужным скрывать. Ничего героического, подвижнического в нем нет. Перед нами одинокая, отчаявшаяся, внутренне опустошенная и страдающая личность, не вызывающая к себе, однако, ни малейшей жалости. Он сам выставляет себя в столь неприглядном виде, от чего похвалы, расточаемые в его адрес, вызывают в лучшем случае недоумение.

Таким образом, в письмах В. С. Печерина содержится самое главное — живая ткань повседневности. И с этой точки зрения письма важнее, интереснее, содержательнее и значительнее мемуарных отрывков.

Мемуары В. С. Печерина всегда публиковались отдельно от его писем С. Ф. Поляркову, А. В. Никитенко и Ф. В. Чижову. В определенном смысле это объяснимо и отчасти даже оправданно, если речь идет о популяризации основных фактов биографии и хронологической канве жизни столь примечательной личности, каковой, несомненно, являлся В. С. Печерин. В какой-то степени эту ситуацию «спровоцировал» он сам, выделив и по форме, и по содержанию большинство мемуарных отрывков из контекста собственных писем, представив их в виде самостоятельных «приложений» к ним.

Однако уже Ф. В. Чижов в письме от 19 октября 1873 года подметил ограниченность и неполноту такого подхода: «печатать только твои автобиографические письма, там ты не весь, — уверял он В. С. Печерина, делясь с ним своими соображениями по поводу их публикации, — напечатать их с твоими письмами ко мне? думаю, что можно повредить тебе в глазах твоих сокатоликов. А ты без писем ко мне, в твоих автобиографических листочках, только ты в половину»¹¹⁶. В этом на-

блюденнии много внутреннего смысла. Ф. В. Чижов верно подметил, что мемуарные отрывки охватывают лишь первую половину жизни В. С. Печерина, время до конца 1840-х годов: детство, юность, пребывание в Петербурге, Берлине и Москве, скитание по Западной Европе, вступление в орден. Письма же раскрывают нам другую половину его бытия, менее всего известную, и в первую очередь дублинский период, 1850–1870-е годы.

Таким образом, Ф. В. Чижов прекрасно понимал целесообразность и необходимость именно комплексной публикации писем и мемуаров В. С. Печерина. Единственным препятствием тому он полагал уязвимость тогдашнего положения своего друга.

Мнение Ф. В. Чижова вполне согласуется с академическим каноном: мемуарные отрывки следует печатать непосредственно за теми письмами, к которым они прилагались и продолжением которых нередко служили.

Следуя данной логике, нужно признать, что и само эпистолярно-мемуарное наследие В. С. Печерина необходимо рассматривать в контексте всей его корреспонденции: не только писанной им самим, но и адресованной ему. Переписка В. С. Печерина с С. Ф. Поярковым, А. В. Никитенко и Ф. В. Чижовым представляет собою, в сущности, длившийся около 15 лет доверительный разговор, в ходе которого участники задавали друг другу вопросы и сообща искали на них ответы, обменивались мнениями по самым разным поводам, рассказывали подробности своей жизни, вспоминали прошедшее, обсуждали настоящее, спорили о будущем. Письма В. С. Печерина, как и мемуарные отрывки, были порождены самим ходом этого непрекращавшегося многостороннего диалога, стали нераздельной частью его и не существуют вне него.

Более того, содержащиеся в переписке факты и обстоятельства жизни В. С. Печерина, особенно 1860–1870-х годов, приобретают особое звучание как раз на фоне писем к нему других лиц, особенно С. Ф. Пояркова и Ф. В. Чижова. В отличие от своего друга, они были заняты активной созидательной деятельностью. С. Ф. Поярков участвовал в реализации судебной реформы в России, успешно продвигался по служебной лестнице, получив действительного статского советника и должность председателя гражданской судебной палаты в Саратове. Ф. В. Чижов строил железные дороги, создавал банки и промышленные компании, заводил шелковичные плантации, открывал учебные заведения. По образу своего бытия они предстают антиподами В. С. Печерина (невольно на ум приходит литературная антитеза Шульц и Обломов). Их письма, содержащие рассказы и рассуждения о собственных повседневных заботах и проблемах, резко контрастируют с жизненным укладом В. С. Печерина и потому позволяют высветить новые грани его характера, глубже проникнуть в его внутренний мир, лучше понять состояние души. Именно поэтому их корреспонденцию следует рассматривать как единый комплекс.

Так возникла идея опубликовать переписку В. С. Печерина с С. Ф. Поярковым, А. В. Никитенко и Ф. В. Чижовым во всей ее полноте. Однако подготовка корреспонденции к печати продемонстрировала потребность дополнить (а в определенном смысле и предварить) ее письмами В. С. Печерина родителям: Сергею Пантелеевичу и Пелагее Петровне.

Целями публикации являются, во-первых, подготовить обстоятельное и подробное житие В. С. Печерина и, более того, поручить составление этого документа **ему самому**, заставить **его** рассказать историю своей жизни до конца, **дописать**

автобиографию, начатую около полутора веков тому назад; во-вторых, показать настоящего, **подлинного** В. С. Печерина, созданный им самим **автопортрет лишнего человека**; в-третьих, зафиксировать **процесс рождения общественной мысли**, протекавший в сознании не отдельной личности или узкой группы людей, но достаточно широкого **слоя образованной** части русской **публики**, а также **продемонстрировать** не столько сложность этого процесса (хотя и это тоже), сколько его **издержки**; в-четвертых, с помощью корреспонденции самого В. С. Печерина **покончить** с многочисленными **мифами** о нем, поскольку никто другой лучше него не в состоянии выполнить столь нелегкую миссию.

* * *

Вышеизложенное определило и структуру работы.

Ее предворяет авторская статья, за которой следуют собственно тексты.

Всего публикуется 265 писем, из них 143 принадлежат перу В. С. Печерина: 21 послано родителям (август 1851 — февраль 1866); 20 — С. Ф. Пояркову (июль 1860 — июнь 1872); 10 — А. В. Никитенко (октябрь 1865 — сентябрь 1869) и 92 — Ф. В. Чижову (август 1865 — январь 1878).

В свою очередь В. С. Печерин получил: 9 писем от А. В. Никитенко (октябрь 1865 — сентябрь 1869); 23 от С. Ф. Пояркова (октябрь 1865 — июль 1873) и 90 от Ф. В. Чижова (август 1865 — октябрь 1877), т. е. всего 122 письма.

Следовательно, специфика публикации состоит в том, что в нее вошла корреспонденция В. С. Печерина, во-первых, только с определенным кругом лиц, проживавших к тому же в одной стране — России, во-вторых, охватывающая период с августа 1851 по январь 1878 годов, в-третьих, включающая не только письма самого В. С. Печерина, но и письма к нему. В то же время в ней отсутствует переписка В. С. Печерина как более раннего времени, 1830–1840-х годов, так и с заграничными адресатами — И. С. Гагариным, П. В. Долгоруковым, А. И. Герценом, М. М. Михайловым. Критерием такого отбора послужило качество и полнота той информации о жизни и идейных поисках В. С. Печерина, которая содержится в этих двух комплексах писем. Самая полная, подробная и достоверная находится в письмах В. С. Печерина к родителям, племяннику и двум друзьям молодости обозначенного выше временного промежутка. Вся прочая сохранившаяся переписка его фрагментарна, непродолжительна и не всегда содержательна. Более того, часть ее, а именно переписка с А. И. Герценом и П. В. Долгоруковым, опубликована¹¹⁷. Из писем В. С. Печерина 1830–1840-х годов до нас дошли: 12 к родителям за 1822–1836, 14 — к А. В. Никитенко за 1833 и 12 — к Ф. В. Чижову за 1835–1845, итого 38. Из них 13 (7 родителям за 1822–1823 и 1836 и 6 Ф. В. Чижову за 1836, 1837 и 1840) помещены в приложениях, о чем будет сказано особо. Содержащиеся же в прочих письмах сведения (о пребывании в Берлине и Москве, но преимущественно о путешествии по Германии и Швейцарии 1833 года) в значительной своей части — и эмоциональной, и фактической — переданы им в мемуарных отрывках.

Таким образом, по своему составу настоящая публикация представляет собою выборочное, но одновременно тематически единое собрание писем. В таком виде этот комплекс, не существующий в действительности, поскольку его элементы разбросаны по разным архивам и искусственно соединены в определенном порядке, является результатом творческой деятельности составителя. Вместе с тем он содержит вполне

достаточную в количественном и качественном отношении сумму сведений для достижения главных целей настоящего издания.

Тексты писем печатаются целиком, без купюр, по подлинникам, хранящимся в трех архивах Москвы и Санкт-Петербурга.

Письма В. С. Печерина к Ф. В. Чижову находятся в личном фонде последнего, в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОРРГБ, ф. 332, картон 45, ед. хр. 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21). Здесь же отложились письма В. С. Печерина к родителям (ед. хр. 3, 4, 6) и С. Ф. Пояркову (ед. хр. 7, 8, 9). Последний комплекс материалов, принадлежавший С. Ф. Пояркову, был передан, и об этом уже говорилось ранее, им самим Ф. В. Чижову по просьбе В. С. Печерина.

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в фонде В. С. Печерина (ф. 372, оп 1) хранятся его последнее письмо Ф. В. Чижову (ед. хр. 22) и адресованные ему письма А. В. Никитенко (ед. хр. 29) и С. Ф. Пояркова (ед. хр. 31). Их история такова. В 1886 году после смерти В. С. Печерина согласно его завещанию в библиотеку Московского университета поступило через русского генерального консула в Лондоне несколько ящиков с его книгами и старая кожаная папка с бумагами. В ней находились автографы ряда стихотворений В. С. Печерина как юношеских, 1830-х годов (например, «С Монте-Пинчио»), так и позднейших, 1864–1875 годов («Ирония судьбы», «Легкое подняв ветрило» и другие), а также: письмо В. С. Печерина к Ф. В. Чижову от 23 января 1878 года, которое он получил обратно в связи со смертью адресата; 9 писем к В. С. Печерину А. В. Никитенко и 23 письма С. Ф. Пояркова. Тогда же эти бумаги были описаны в инвентарной книге под № 235, и поныне хранящейся в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки МГУ. В 1930-е годы они были переданы сотрудниками библиотеки А. М. Глаголевой и А. А. Сабуровым в Литературный музей, а оттуда в 1941-м в Центральный государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), где поступили (среди прочих материалов) в личный фонд В. С. Печерина.

В том же архиве в личном фонде А. В. Никитенко (ф. 357, оп. 1, ед. хр. 7) находятся письма к нему В. С. Печерина.

И, наконец, письма Ф. В. Чижова к В. С. Печерину отложились в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ), ф. 384 (В. С. Печерин), оп. 1, ед. хр. 15. Согласно официальным данным, они среди многих других рукописей В. С. Печерина были 14 мая 1928 года приобретены (куплены) у А. Ф. Шидловского.

Вся переписка, за исключением мемуарных отрывков, публикуется впервые.

Письма расположены в хронологическом порядке. Встречающиеся несоответствия в датировке объясняются тем, что В. С. Печерин пользовался новым стилем, а его адресаты — старым.

Корреспонденция велась в основном по-русски. Иноязычные фрагменты печатаются на языке оригинала с последующим либо подстрочным переводом, если это отдельные слова, выражения или фразы, либо в самом тексте, если отрывок является достаточно большим по объему. Все встречающиеся отклонения от современной орфографии (пропущенные *accent aigu*, *accent grave*, *accent circonflexe*, иные окончания множественного числа, артиклей и т. д.) исправлены.

Орфография и пунктуация соответствуют современным языковым нормам: вместо «номер» используется «номер»; «пашпорт» — «паспорт»; «шкап» — «шкаф»; «ценсура» — «цензура»; «обращик» — «образчик»; «извощик» — «извозчик»; «мущина» — «мужчина»; «маминька» и «папинька» — «маменька» и «папенька»;

«генварь» — «январь»; «баталион» — «батальон»; «диавол» — «дьявол»; «пожалуста» — «пожалуйста»; «разсвет» — «рассвет»; «сочуствие» — «сочувствие»; «искуство» — «искусство»; «щастье» — «счастье»; «физиогномия» — «физиономия»; «поцаловать» — «поцеловать»; «подымать» — «поднимать»; «отчаяваться» — «отчаиваться»; «куриозный» или «кириозный» — «курьезный»; «италианский» — «итальянский»; «христианский» — «христианский»; «безсмертный» — «бессмертный»; «безпокойный» — «беспокойный»; «безпрестанный» — «беспрестанный»; «сдалека» — «издалека»; «противу» — «против»; «общаго» — «общего» и т. д.

Иностранные имена и географические названия — Бетговен, Микель Анжело, Иппокрит, Дублин и прочие — оставлены в авторской транскрипции.

Слова, употребляемые (особенно часто В. С. Печериным) с заглавной буквы — Русский, Английский, Французский, Датский, Дублинский, Ирландский, Арабский, Европейский, Император, Король, Принц, Лорд, Епископ, Настоятель, Монастырь, Религия, Родители, Университет, Сентябрь, Август etc — приводятся с прописной.

При этом грамматика, типические особенности лексики и синтаксические конструкции сохраняются полностью.

Цитаты из Библии и литературных произведений, названия самих литературных произведений и периодических изданий приводятся на русском языке в «», на иностранных языках в “”.

Сокращения, а также случайно пропущенные слова, восстановленные по смыслу, даются полностью в квадратных скобках [], например, «Р[усский] Архив».

На место неразобранных слов ставится [нрзб].

Явные опечатки или опiski исправляются без оговорок.

Комментарии содержат информацию о персоналиях; характеристики периодических изданий, книг, сборников и т. п.; пояснение географических названий; установление авторства цитируемых стихов и литературных произведений; толкование обсуждаемых в тексте событий и затруднительных для понимания их смысла мест. Здесь же помещаются примечания самого В. С. Печерина с указанием авторской принадлежности.

При составлении отдельных комментариев, например, о пребывании В. С. Печерина в Берлинском или Московском университетах, о посещении его Ф. В. Чижовым в монастыре в Виттеме и других был использован большой пласт архивных материалов из ОРРГБ, РГАЛИ, ЦИАМ, РГИА. В этом случае документы приводятся не полностью, а в отрывках либо изложении. Но во всех случаях указываются выходные данные публикуемого или цитируемого источника.

Особый раздел составляют приложения к комментариям, в которых приводится целый ряд документов, позволяющих максимально полно и объективно раскрыть и охарактеризовать отдельные эпизоды и даже периоды из жизни В. С. Печерина, о которых он сам упоминал в письмах или мемуарных отрывках лишь вскользь и о которых мало что или практически ничего не известно. К ним относятся — шесть писем родителям из Киева за 1822–1823 годы, где он обучался в гимназии, и письмо им же от 23 марта 1836 года из Москвы; четыре письма Ф. В. Чижову за 1836 год из Лугано, одно за 1837-й из Цюриха и одно за 1840-й из Льежа; два ответных письма Ф. В. Чижова к В. С. Печерину за 1836 и 1837 годы; письмо Н. И. Крылова и письмо Ф. В. Чижова за 1836 год к С. Г. Строганову относительно эмиграции В. С. Печерина; письмо В. С. Печерина к С. Г. Строганову от 23 марта 1837 года из Брюсселя; три письма за 1861 и 1862 годы верховного генерала ордена редemptористов Николая Морона

к В. С. Печерину и два письма В. С. Печерина за 1862 же год, посвященные его намерению сначала выйти из конгрегации, а затем вернуться в нее; три письма В. С. Печерина к П. В. Долгорукову за 1865 год и три ответных послания от него, в которых они обсуждали возможность переезда В. С. Печерина в Париж; переписка С. Г. Строганова, П. И. Бартенева и В. С. Печерина (всего пять писем за 1870 год) по поводу публикации в «Русском Архиве» письма В. С. Печерина к Строганову от 23 марта 1837 года; письмо С. Ф. Пояркова к Ф. В. Чижевскому от 29 марта 1873 года.

Перечисленные документы извлечены из архивов (ОРРГБ, РГАЛИ, РГАДА) и публикуются впервые с указанием выходных данных. Исключением является лишь переписка В. С. Печерина с П. В. Долгоруковым и отчасти (за 1835–1840-е годы) с Ф. В. Чижевским, опубликованная Е. Г. Местергази в: «Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин)» (М. 2007). Большинство из указанных писем — автографы, и только переписка В. С. Печерина с Н. Мороном представлена копиями.

Кроме того, в приложениях помещены также — юношеская поэма В. С. Печерина «Руфь»; присяга на верность Николаю I, данная им 13 апреля 1836 года; статья из льезжского «Journal de Kersten» (1840) о принятии им католичества; отрывки из его дневниковых записей за 1854 год под названием «Memoires d'un fou»; заметка из газеты «The Tablet» (1856) о перенесенной им тяжелой болезни; полемика касательно В. С. Печерина, разгоревшаяся в 1863 году между М. Н. Катковым и М. П. Погодиным на страницах «Московских Ведомостей»; статья «Разве?» из газеты «Современная летопись» от 8 мая 1863 года; материал из газеты И. С. Аксакова «День» (1865); статья из «Московских Ведомостей» от 18 июля 1869 года.

Поэма, текст присяги, дневниковые заметки (все — подлинники), статьи из «Journal de Kersten» и «The Tablet» (копии) извлечены из архивов (ОРРГБ, РГАЛИ, ЦИАМ) и публикуются впервые с указанием выходных данных.

Критерием помещения всех вышеупомянутых материалов в комментариях и приложениях являлось упоминание их в текстах писем кем-либо из корреспондентов.

Наконец, в приложениях расположены большие по объему комментарии.

Публикация завершается библиографией источников и сочинений о В. С. Печерине и именованным указателем.

Подготовка текстов, вступительная статья, комментарии, приложения к ним, библиография и именной указатель принадлежат С. Л. Чернову. Переводы с французского языка выполнены М. Л. Кушелевой и Т. Б. Пошерстник, с латинского А. Ч. Козаржевским и О. А. Гавриловой.

Выражаю искреннюю признательность и благодарность всем, кто своей верой и участием помогали и поддерживали меня в этой многолетней работе.

Примечания

- ¹ Печерин В. С. «Замогильные записки (Apologia pro vita mea)» — «Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников». М. 1989. С. 151. Письмо С. Ф. Пояркову от 28 марта 1867 г.
- ² Там же. С. 175. Письмо Ф. В. Чижевскому от июня 1870 г.
- ³ Там же. С. 167. Письмо Ф. В. Чижевскому от октября 1869 г.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 150. Письмо С. Ф. Пояркову от 13 октября 1865 г.

- 6 Поэма «Pot-rouggi или Чего хочешь, того просишь (для февральского праздника 1834 г.)» — «Поэты 1820–1830-х годов». Л., 1972. Т. 2. С. 470.
- 7 Поэма «Вольдемар» — Там же. С. 466.
- 8 *Печерин В.С.* «Замогильные записки (Apologia pro vita mea)». С. 175. Письмо Ф. В. Чижову от июня 1870 г.
- 9 Там же. С. 172. Письмо С. Г. Строганову от 1837 г.
- 10 *Никитенко А. В.* Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 173. Запись от 15 июня 1835 г.
- 11 *Печерин В.С.* «Замогильные записки (Apologia pro vita mea)». С. 176. Письмо Ф. В. Чижову от июня 1870 г.
- 12 Там же. С. 260. Письмо Ф. В. Чижову от 10 ноября 1871 г.
- 13 Там же. С. 149. Письмо С. Ф. Пояркову от 13 октября 1865 г.
- 14 Там же. С. 236. Письмо Ф. В. Чижову от 13 августа 1871 г.
- 15 Там же. С. 242. Письмо Ф. В. Чижову от 1 апреля 1872 г.
- 16 Там же. С. 252. Письмо Ф. В. Чижову от 28 мая 1872 г.
- 17 Там же. С. 241. Письмо Ф. В. Чижову от 27 февраля 1872 г.
- 18 Там же. С. 248. Письмо Ф. В. Чижову от 26 апреля 1872 г.
- 19 Там же. С. 164. Письмо Ф. В. Чижову от октября 1869 г.
- 20 Там же. С. 270. Письмо Ф. В. Чижову от 1 мая 1873 г.
- 21 Там же. С. 253. Письмо Ф. В. Чижову от 28 мая 1872 г.
- 22 Там же. С. 265. Письмо Ф. В. Чижову от 10 ноября 1871 г.
- 23 Там же. С. 251 — 253. Письмо Ф. В. Чижову от 28 мая 1878 г.
- 24 РГАЛИ. Ф. 372 (В. С. Печерин). Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 6. Письмо П. В. Долгорукову от 25 ноября 1863 г.
- 25 ОРРГБ. Ф. 332 (Ф. В. Чижев). Картон 45. Ед. хр. 12. Л. 25. Письмо Ф. В. Чижову от 2 ноября 1870 г.
- 26 См. *Герцен А. И.* Pater V. Petcherine — «Былое и Думы». Ч. 7. Гл. 6. Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1957. Т. 11. С. 396–402; *Сабуров А. А.* Из переписки В. С. Печерина с Герценом и Огаревым — «Литературное наследство». Т. 62. Ч. 2. М. 1955.
- 27 ОРРГБ. Ф. 332 (Ф.В. Чижев). Картон 45. Ед. хр. 20. Л. 16. Письмо Ф. В. Чижову от 24 июня 1876 г.
- 28 *Печерин В.С.* «Замогильные записки (Apologia pro vita mea)». С. 289. Письмо Ф. В. Чижову от 20 июля 1872 г.
- 29 ОРРГБ. Ф. 332. Картон 45. Ед. хр. 20. Л. 20. Письмо Ф. В. Чижову от 8 октября 1876 г.
- 30 *Печерин В. С.* «Замогильные записки (Apologia pro vita mea)». С. 242. Письмо Ф. В. Чижову от 27 февраля 1872 г.
- 31 Там же. С. 288. Письмо Ф. В. Чижову от 20 июля 1872 г.
- 32 ОРРГБ. Ф. 332. Картон 45. Ед. хр. 17. Л. 39. Письмо Ф. В. Чижову от 19 октября 1873 г.
- 33 Там же. Ед. хр. 11. Л. 9 об. Письмо Ф. В. Чижову от 23 сентября 1867 г.
- 34 *Печерин В. С.* «Замогильные записки (Apologia pro vita mea). С. 188–189. Письмо Ф. В. Чижову от 20 июля 1872 г.
- 35 ОРРГБ. Ф. 332. Картон 45. Ед. хр. 14. Л. 24. Письмо Ф. В. Чижову от 10 ноября 1871 г.
- 36 Там же. Ед. хр. 11. Л. 9 об. Письмо Ф. В. Чижову от 23 сентября 1867 г.
- 37 *Печерин В. С.* «Замогильные записки (Apologia pro vita mea)». С. 309. Письмо Ф. В. Чижову от 26 августа 1873 г.
- 38 Там же. С. 272. Письмо Ф. В. Чижову от 1 мая 1873 г.
- 39 Там же. С. 235. Письмо Ф. В. Чижову от 13 августа 1873 г.
- 40 Там же.
- 41 ОРРГБ. Ф. 332. Картон 45. Ед. хр. 17. Л. 42. Письмо Ф. В. Чижову от 12 ноября 1872 г.
- 42 Там же.
- 43 Там же. Ед. хр. 21. Л.16. Письмо Ф. В. Чижову от 12 августа 1877 г.
- 44 *Печерин В.С.* «Замогильные записки (Apologia pro vita mea)» С. 235. Письмо Ф. В. Чижову от 13 августа 1871 г.

- 45 ОРРГБ. Ф. 332. Картон 45. Ед. хр. 12. Л. 18. Письмо Ф. В. Чижову от 7 августа 1870 г.
- 46 *Печерин В. С.* «Замогильные записки (Apoloġia pro vita mea)». С. 289. Письмо Ф. В. Чижову от 20 июля 1872 г.
- 47 ОРРГБ. Ф. 332. Картон 45. Ед. хр. 20. Л. 20 об. Письмо Ф. В. Чижову от 8 октября 1876 г.
- 48 Там же. Л. 14 об. – 15. Письмо Ф. В. Чижову от 24 июня 1876 г. См. также: Там же. Ед. хр. 12. Л. 18. Письмо Ф. В. Чижову от 7 августа 1870 г.
- 49 Там же. Ед. хр. 20. Л. 19 об. – 20. Письмо Ф. В. Чижову от 8 октября 1876 г.
- 50 Там же. Ед. хр. 12. Л. 18 – 18 об. Письмо Ф. В. Чижову от 7 августа 1870 г.
- 51 Там же. Ед. хр. 13. Л. 2. Письмо Ф. В. Чижову от 25 января 1871 г.; См. также: *Печерин В. С.* «Замогильные записки (Apoloġia pro vita mea)». С. 306. Письмо Ф. В. Чижову от 21 октября 1865 г.
- 52 *Печерин В. С.* «Замогильные записки (Apoloġia pro vita mea)». С. 310. Письмо Ф. В. Чижову от 26 августа 1873 г.
- 53 Там же.
- 54 Там же. Письмо Ф. В. Чижову от 6 октября 1874 г.
- 55 ОРРГБ. Ф. 332. Картон 45. Ед. хр. 20. Л. 17 об. Письмо Ф. В. Чижову от 15 августа 1876 г.
- 56 Там же. Л. 15. Письмо Ф. В. Чижову от 24 июня 1876 г.
- 57 ИРЛИ (ПД). Ф. 384 (В. С. Печерин). Ед. хр. 15. Л. 83 об. Письмо В. С. Печерину от 28 сентября 1872 г.
- 58 *Герцен А. И.* Pater V. Petcherine — «Былое и Думы». Ч. 7. Гл. 6. Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1957. Т. 11. С. 391.
- 59 *Hobsbawm E.* The Age of Revolution: Europe. 1789–1848. London. 1960.
- 60 *Печерин В. С.* «Замогильные записки (Apoloġia pro vita mea)». С. 216. Письмо Ф. В. Чижову от 18 марта 1871 г.
- 61 Там же. С. 218.
- 62 Там же. С. 149. Письмо С. Ф. Пояркову от 13 октября 1865 г.
- 63 Там же. С. 232. Письмо Ф. В. Чижову от 26 сентября 1871 г.
- 64 Там же. С. 216. Письмо Ф. В. Чижову от 18 марта 1871 г.
- 65 Там же. С. 235. Письмо Ф. В. Чижову от 13 августа 1871 г.
- 66 Там же. С. 240. Письмо Ф. В. Чижову от 27 февраля 1872 г.
- 67 Там же. С. 275. Письмо Ф. В. Чижову от 12 ноября 1873.
- 68 *Отец Манвисс* (Manvuisse) — священник редemptористского монастыря в Льеже, под влиянием которого В. С. Печерин принял решение о перемене веры.
- 69 *Печерин В. С.* «Замогильные записки (Apoloġia pro vita mea)». С. 240. Письмо Ф. В. Чижову от 29 января 1872 г.
- 70 ОРРГБ. Ф. 332 (Ф. В. Чижов). Картон 2. Ед. хр. 1. Л. 131 об. — 132 об.
- 71 Из архива А. В. Никитенко. Письмо Ф. В. Чижова от 9 сентября 1844 г. — «Русская старина». СПб. 1904. Т. 119. Кн. 9. С. 681.
- 72 ОРРГБ. Ф. 332 (Ф. В. Чижов). Картон 2. Ед. хр. 1. Л. 131 об. Дневниковая запись от 24 июля 1844 года.
- 73 РГАЛИ. Ф. 372 (В. С. Печерин). Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 2–2 об. Письмо П. В. Долгорукову от 7 сентября 1863 г.
- 74 *Герцен А. И.* Pater V. Petcherine — «Былое и Думы». Ч. 7. Гл. 6. Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1957. Т. 11. С. 392.
- 75 ОРРГБ. Ф. 332. Картон 45. Ед. хр. 20. Л. 17 об. Письмо Ф. В. Чижову от 15 августа 1876 г.
- 76 *Печерин В. С.* «Замогильные записки (Apoloġia pro vita mea)». С. 252. Письмо Ф. В. Чижову от 28 мая 1872 г.
- 77 Там же. С. 235. Письмо Ф. В. Чижову от 13 августа 1871 г.
- 78 Там же.
- 79 Там же. С. 149. Письмо С. Ф. Пояркову от 13 октября 1865 г.
- 80 Там же. С. 213. Письмо Ф. В. Чижову от 4 февраля 1871 г.

- 81 Евангелие от Матфея, VII, 13–14.
- 82 РГАЛИ. Ф. 372. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 4. Письмо В. С. Печерину от 16 сентября 1865 г.
- 83 Там же. Л. 5. Письмо В. С. Печерину от 30 октября 1865 г.
- 84 Там же. Л. 8 об. Письмо В. С. Печерину от 11 июня 1866 г.
- 85 ОРРГБ. Ф. 332. Картон 45. Ед. хр. 11. Л. 1 об. Письмо Ф. В. Чижову от 16 сентября 1865 г.
- 86 ИРЛИ (ПД). Ф. 384. Ед. хр. 15. Л. 10 об. Письмо В. С. Печерину от 21 июля 1869 г.
- 87 Там же. Л. 24 об. Письмо В. С. Печерину от 25 мая 1870 г.
- 88 Там же. Л. 22–22 об. Письмо В. С. Печерину от 22 января 1870 г.
- 89 ОРРГБ. Ф. 332. Картон 46. Ед. хр. 34. Л. 7 об. Письмо Ф. В. Чижову от декабря 1871 г.
- 90 Там же. Л. 3 об. Письмо Ф. В. Чижову от 11 ноября 1870 г.
- 91 РГАДА. Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 1. Ед. хр. 216. Л. 9 об. — 10. Письмо от 28 сентября 1870 г. См. также: ЦГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 562. Л. 498 об.
- 92 РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 562. Л. 507–507 об. Письмо П. И. Бартеневу от 16 ноября 1870 г.
- 93 ОРРГБ. Ф. 332. Картон 45. Ед. хр. 9. Л. 25. Письмо С. Ф. Пояркову от 15 октября 1871 г.
- 94 Там же. Л. 21 об. Письмо С. Ф. Пояркову от 6 октября 1870 г.
- 95 Там же.
- 96 Там же. Картон 46. Ед. хр. 34. Л. 3. Письмо С. Ф. Пояркова Ф. В. Чижову от 11 ноября 1870 г.
- 97 Там же. Картон 45. Ед. хр. 15. Л. 3. Письмо Ф. В. Чижову от 29 января 1872 г.
- 98 ИРЛИ (ПД). Ф. 384. Ед. хр. 15. Л. 69. Письмо В. С. Печерину от 12 января 1872 г.
- 99 РГАЛИ. Ф. 372. Ед. хр. 31. Л. 41. Письмо В. С. Печерину от 14 апреля 1872 г.
- 100 ОРРГБ. Ф. 332. Картон 45. Ед. хр. 15. Л. 20 об. Письмо Ф. В. Чижову от 28 мая 1872 г.
- 101 ИРЛИ (ПД). Ф. 384. Ед. хр. 15. Л. 133 об. Письмо В. С. Печерину от 13 апреля 1874 г.
- 102 ОРРГБ. Ф. 332. Картон 45. Ед. хр. 18. Л. 19–20. Письмо Ф. В. Чижову от 10 мая 1874 г.
- 103 ИРЛИ (ПД). Ф. 384. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 12–15 об. Письмо В. М. Михайлова В. С. Печерину от 4 апреля 1879 г.
- 104 ОРРГБ. Ф. 332. Картон 45. Ед. хр. 19. Л. 25 об. Письмо Ф. В. Чижову от 28 ноября 1875 г.
- 105 Там же. Ф. 217. (Г. П. Гергиевский). Картон 13. Ед. хр. 79. Л. 1–1 об.
- 106 Там же. Л. 3. Письмо А. С. Поярковой от 1 октября 1917 г.
- 107 ИРЛИ (ПД). Ф. 384. Ед. хр. 15. Л. 36. Письмо В. С. Печерину от 13 ноября 1870 г.
- 108 Там же. Л. 40, 49 об. Письмо В. С. Печерину от 21 ноября 1870 г.
- 109 ОРРГБ. Ф. 332. Картон 45. Ед. хр. 18. Л. 20. Письмо Ф. В. Чижову от 10 мая 1874 г.
- 110 *Печерин В. С.* «Замогильные записки (Apologia pro vita mea)». С. 311. Письмо Ф. В. Чижову от 7 ноября 1875 г.
- 111 ИРЛИ (ПД). Ф. 384 (В. С. Печерин). Ед. хр. 15. Л. 47 об. Письмо Ф. В. Чижова от 1 февраля 1871 г.
- 112 Несостоятельность концепции М. О. Гершензона и Л. Б. Каменева подметил еще П. Горелов в рецензии на заметку А. Корнеева «Печорин и Печерин». См. Альманах библиофила. М., 1989. Вып. 25. С. 98–99.
- 113 ИРЛИ (ПД). Ф. 384. Ед. хр. 15. Л. 115–115 об. Письмо В. С. Печерину от 19 октября 1873 г.
- 114 Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. 2. С. 435.
- 115 См.: *Цимбаева Е. Н.* Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма. М. 1999.
- 116 ИРЛИ (ПД). Ф. 384 (В. С. Печерин). Ед. хр. 15. Л. 115 об. Письмо В. С. Печерину от 19 октября 1873 г.
- 117 *Герцен А. И.* Pater V. Petcherine — «Былое и Думы». Ч. 7. Гл. 6. Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1957. Т. 11. С. 391–403; *Сабуров А. А.* Из переписки В. С. Печерина с Герценом и Огаревым — «Литературное наследство». М., 1955. Т. 62. Ч. 2. С. 463–484; *Местергази Е. Г.* Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В. С. Печерин). М., 2007.